

«МОЯ КНИГА»

- Книги для детей и взрослых
- Канцелярия в ассортименте,
- Подарочные издания, сувениры
- Краеведение, ретрооткрытки
- Наборы для детского творчества
- Развивающие игры.

Мы ждём Вас по адресам:

ул. Советская, д. 11
тел.: 8-900-495-79-35
ул. Ореховая, д. 7
тел.: 8 (4752) 58-31-61

Друзья!

Торговое предприятие «Моя книга» сегодня единственное в нашем регионе, которое реализует не только книги местных авторов, но и живописные работы — как начинающих, так и маститых художников. Кроме того, книжный магазин поддерживает по своему уникальное издание «Рассказ—газету», которую можно приобрести только здесь, причем, совершенно бесплатно. Газета рассчитана на широкий круг читателей, но при этом она развивает художественный вкус, знакомит с новыми произведениями писателей, краеведов, культурологов, чьё творчество так или иначе связано с Тамбовщиной.

www.m-kniga68.ru

Рассказ- газета

№ 12 2018 год

Издаётся с 1991 года

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Творческий Дом Ладыгиных

Без интересного информационного повода не жизнеспособно ни одно периодическое издание. В этом смысле «РГ» не исключение. Нынешний номер газеты как никогда насыщен неординарными литературными событиями. В этом году исполняется 115 лет со дня рождения известного в России поэта — палиндромиста Николая Ладыгина. Интерес к его творчеству год от года только увеличивается. Он, как большая планета, притягивал к себе интересных и неординарных личностей. Творческий Дом Ладыгиных — ТДЛ — так называли в Тамбове пристанище поэтов и художников, поэтому мы решили посвятить этот номер «РГ» не только Николаю Ладыгину, но и его друзьям-единомышленникам — поэту Николаю Глазкову, историку литературы Борису Двинянинову, художнику-оформителю, коллекционеру Владимиру Шпильчину.

Ещё один информационный повод — это создание частного музея в доме головы Тамбова Потапова. Пока окончательно не решён вопрос с концепцией музея, но, по заверению председателя общественной организации коллекционеров Тамбовской области Дмитрия Гнатюка, в музее предполагается создать постоянно действующую экспозицию, посвящённую не только творчеству Николая Ладыгина, но и его сыновьям — известным фотографам Борису и Алексею.

Кстати, в этом году Алексею Николаевичу исполнится 80 лет. В этой связи в региональной библиотеке им. А. С. Пушкина, а также в музейно-выставочном центре Тамбовской области готовятся выставки работ братьев Ладыгиных.

Олег АЛЁШИН

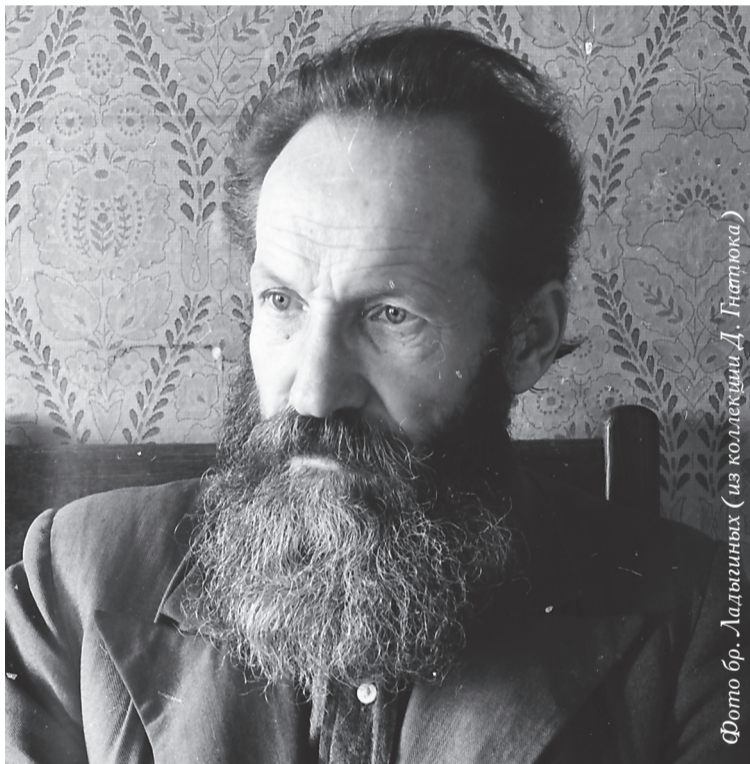

Фото бр. Ладыгиных (из коллекции Д. Гнатюка)

115 лет поэту Николаю Ладыгину

Премия «Мудрый филин»

Книжный магазин на Советской, 11 областного центра учредил литературную премию «Мудрый филин», которая ежегодно вручается литераторам и краеведам за сотрудничество и популяризацию художественной литературы и истории родного края.

В этом году премия присуждена творческому коллективу, работавшему над созданием книги «Тамбовская губерния на дореволюционных открытках. Том I. Тамбов и окрестности», а также краеведу Евгению Буковскому, издавшему свой труд «Тамбовия Вернадских». Эти две книги стали культурными сенсациями 2017 года.

Редакция школьной газеты лицея №21 также удостоена премии «Мудрый филин». Без участия ребят, многие из которых увлечены художественным словом, не обходятся творческие встречи в книжном магазине.

Оргкомитет «Мудрого филина»

Литературные фуршеты

В Тамбове не так много мест, где можно приятно провести время со всей семьёй. Одно из них — книжный магазин, расположенный по адресу: Советская, 11. В нём раз в месяц проводятся литературные фуршеты. Гостям предлагаются различные литературные жанры, начиная от русского авангарда и заканчивая народными сказками. Литературные фуршеты — это и презентации литературных новинок, и встречи с литераторами, краеведами, живописцами, издателями и просто любителями литературы. Хозяйка литературных фуршетов Ольга Милованова создала в книжном магазине уютную и доверительную атмосферу, где рады каждому новому гостю. Традиционно литературные фуршеты заканчиваются чаепитием, которое позволяет неформально пообщаться в приятной компании единомышленников. Информацию о дате проведения литературных фуршетов можно посмотреть на сайте: m-kniga68.ru и на странице [Instagram.com/m.kniga68](https://www.instagram.com/m.kniga68)

Николай ЛАДЫГИН

Осенний сон

Не сова ли была в осень
Лапой? И опал
Лист от сил
Ее?

Не дремуч умер день,
Нет, сам он — заря, разномастен.
Колер елок,
Как
Еж, тот же,
Золотисто вот сито лоз.

Теща, манила калина, машет:
Я алая!
И ладили да кадили дали,
И нет еще тени,
Но сыро. Голубое обуло горы. Сон.

Марево

О вера моя, о марево,
Вы ропот, то порыв,
Как
Ветер, орете в
Окно. Так шуми, зимушка, тонко,
Намути туман,
Намаше игру пурги и шамань.

Будил ли дуб,
Носил ли сон
Мечты (быт чем
И хорош) — и летели шорохи,
И летят ели,
Ажур кружа.

Тучами зима чуть
Тени кинет —
Меркнет стен крем,
И от сугроба бор густой,
Как
Немота, томен
Или
Суров. О Русь!
Я нем. И меня,
Как
Будто тот дуб,
Обуло грёзой озёр голубо.

Но сыми зимы сон
И радуго дари,
И кумира дари муки.
О вера моя, о марево.

Начало зимы

Мело полем.
Оно,
Как
Лед, угрюмое. Реомюр гудел.
И лад, и вывихи вы видали.
Но синел клен, и сон
Липы выпил.
Мок сук, и куском
Алым звень. Не взмыла,
А летела
Заря. Раз! —
И розами — зима. Зори
Алели. Милела,
Ты, выть
Низин.
Вон, в тине, в зареве вера звенит вновь.
А ну, летите, Луна!
Были миги милы б,
Али сон. А зима, гуляя лугами,
заносила
Дороги и город.

В ЛАДУ С ОБРАТИМЫМ СЛОВОМ

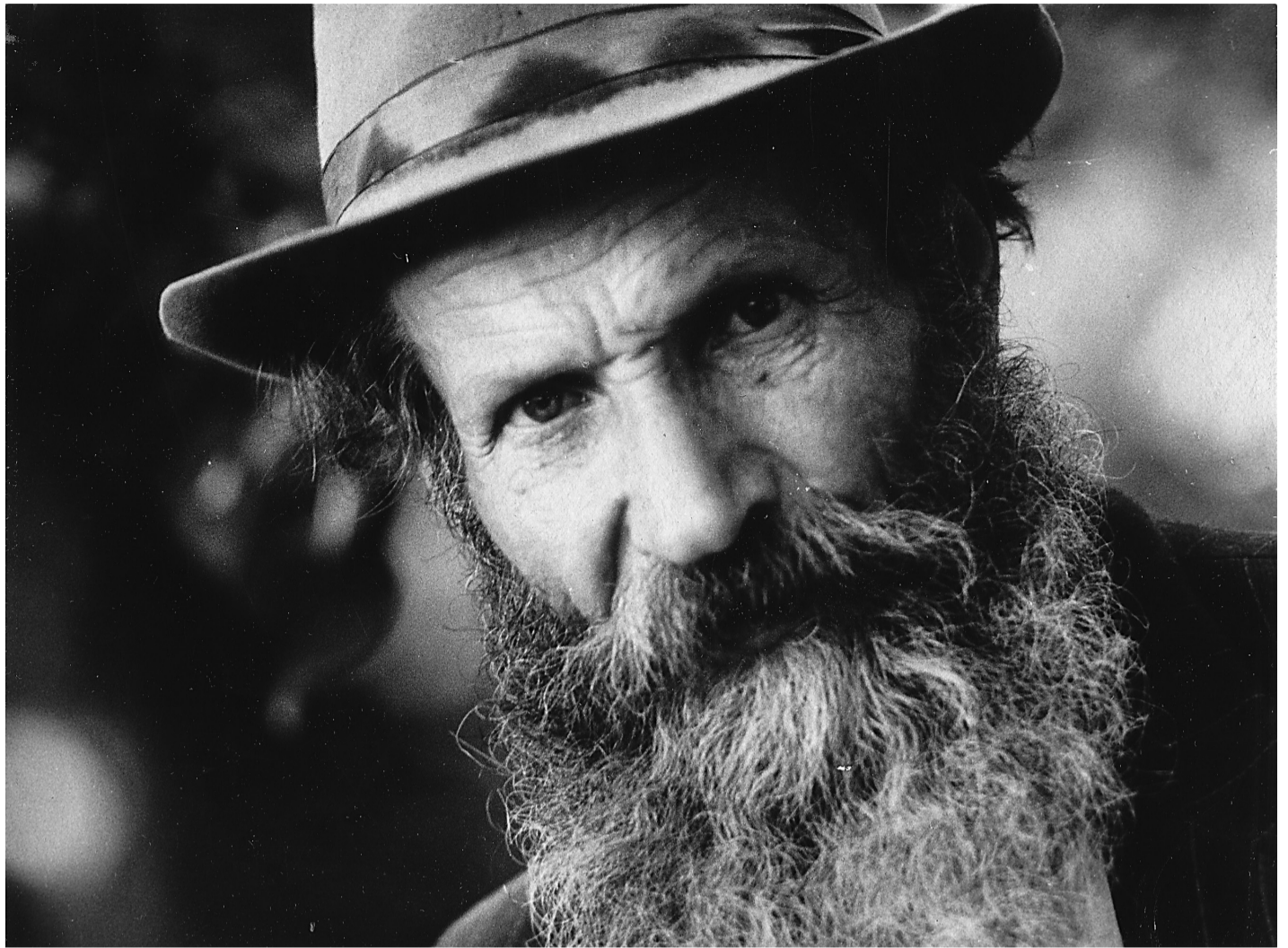

Фото братьев Ладыгиных (из коллекции Д. Гнатюка)

Летом 1970-го года в Тамбове проходил областной семинар молодых поэтов. Действительно молодым в то время мы надолго застрянем в молодёжном возрасте. А тогда Марине Кудимовой было 17 лет, мне было 20. Другие участники были постарше, в общем, где-то до 30-ти. И среди нас был один человек явно в возрасте... Седая окладистая борода... Однако взгляд и голос были на удивление молодыми. Николай Иванович Ладыгин — так звали художника и поэта, ему было 67 лет. Свою молодость он вскоре подтвердил необычными стихами — палиндромическими, которые, кстати, изредка печатались в областной молодёжной газете «Комсомольское знамя».

В том же 1970 году научно-популярный журнал «Русская речь» напечатал его палиндромический цикл «Времена года».

Николай Иванович Ладыгин родился в 1903 году в старинном городе Рославле Смоленской губернии. Учился в местной гимназии, славной тем, что здесь же когда-то получал образование выдающийся скульптор С. Т. Коненков. С детства Ладыгин занимался рисунком и живописью, но систематического образования ему получить не удалось. До 1941 года он сменил ряд профессий — от столяра в музыкальной мастерской до техника-изыскателя железных дорог, не оставляя при этом занятий живописью. С экспедициями Николай Иванович исходил Урал и Север России. Серьёзная травма ноги заставила его вернуться в родной город и вспомнить об увлечении рисованием. Вскоре он создаёт в Рославле художественную студию имени Врубеля, вступает во Всероссийское кооперативное

товарищество «Художник». К сожалению, его работы рославльского периода не сохранились. Они погибли в огне войны. Уже 2 июля 1941 года город начали бомбить. В июле шли тяжелейшие бои на Рославльском направлении. Третьего августа город был сдан. Среди тех, кому удалось уйти в тыл, была семья Ладыгиных.

Голодных и полураздетых Ладыгиных, как и тысячи других семей, приютила Тамбовщина. Остановились в селе Вельможке. Николай Иванович пошёл работать в школу, а его жена Александра Ивановна — воспитателем в детдом, где вскоре стала директором. В Вельможке задержались на целых десять лет. Жили, как и все в военные годы, скудно. Но дочери Ладыгиных Елене Николаевне запомнились весёлые праздники в школе и детдоме. Душой праздников был Николай Иванович. Он сочинял пьесы и сам их ставил с детьми, придумывал оформление. «Просто поразительно, как ему всё удавалось, ведь не было никаких материалов. Ничего, кроме фантазии», — вспоминает Елена Николаевна. Из такой фантазии появилось в детском доме электричество. Николай Иванович построил ветряной двигатель собственной конструкции.

Окончилась война. Ладыгины узнали, что Рославль разрушен, возвращаться было некуда. Да и в детдоме некому пока было заменить Александру Ивановну. Так и жили в Вельможке до 1952 года, когда художника Ладыгина, в 1947 году уже принявшего участие в областной выставке, уже замеченного и выполнявшего заказы, пригласили работать в областной центр.

В Тамбове — городе, с которым связаны главные художественные обретения Ладыгина, он быстро сходится с местными художниками, литераторами, журналистами. Его дом известный советский поэт Николай

Глазков позднее назовет ТДЛ — Тамбовский Дом Ладыгиных. Во второй половине 50-х годов оживает художественная жизнь, в Тамбов часто наезжают поэты из Москвы и других городов и областей. Многие из них были гостями дома Ладыгина.

Любитель неторопливой беседы и шахмат, Николай Иванович был рад гостям. Он специально готовил для них сюрпризы. То это была новая картина, то новые стихи. Николай Иванович легко писал посвящения друзьям, любил стихотворную игру. В середине 60-х годов он увлекся палиндромом.

Каждому из нас знакомы слова «казак», «шалаш». Они читаются по буквам в обе стороны. Существуют и обратимые фразы. Помнится державинская строка: «Я иду с мечем судия». Палиндром пользовался полными правами у русских поэтов-силлабистов. Затем он практически исчезает из печати, продолжая существовать в устной традиции, и возвращается в литературу на новом этапе в XX веке. В 1913 году Велимир Хлебников пишет стихотворение «Перевертень», а в 1920 году — палиндромическую поэму «Разин», включённую в первый том его пятитомного собрания произведений (собрание вышло в Ленинграде в 1928-1932 гг.)

В 1966 году Семён Кирсанов писал, что «может быть, явится поэт, который развёрнуто применит зеркальную рифму, и это окажется естественным...» Очевидно, эта публикация в журнале «Наука и жизнь» (1966, № 7) сыграла большую роль в том, что Николай Иванович Ладыгин перешёл на палиндром. И это в самом деле оказалось для него естественным.

Он начал писать палиндромы, как пишут обычные стихи. Нужно было время на осмысление этой формы не только как технической или забавной.

Времени у Николая Ивановича оставалось не так уж много. Он работал над палиндромами около десяти лет, до самой смерти, последовавшей в 1975 году, когда ему было 72 года. За эти десять лет он несколько раз пытался издать книгу своих палиндромов, обращался в разные издательства. Рукопись давали на отзыв, наряду с отрицательными были и положительные рецензии. Но в основном рецензенты были озабочены тем, что будет «непонятно читателю», задавались риторическими для них вопросами — «стоит ли растрчивать силы на сочинение палиндромов?»

Были и другие голоса: А. Межирова, Н. Глазкова, М. Румянцевой, Ф. Сухова и некоторых других литераторов — сторонников того, чтобы ладыгинские палиндромы увидели свет. Но эти голоса не были услышаны.

Литературовед Б. Н. Двинянинов, до конца жизни размышлявший над произведениями своего друга и пришедший к метафорическому определению — «палиндром — космодром поэзии», оставил такую запись: «Палиндромы Ладыгина <...> явление исключительное в русской поэзии: по исключительному объёму <...>, по разнообразию охваченных тем, глубокой разработке их в труднейшей специфической форме и безупречному мастерству в пределах реалистического метода они, бесспорно, уникальны в поэтическом искусстве нового времени и заслуживают самого пристального внимания читателей и глубокого изучения... Издание палиндромов Н. И. Ладыгина отдельной книгой будет праздником и хорошим подарком для всех любителей поэтического слова и несомненным шагом вперёд в развитии и теории акцентного стиха и раскрытии его неограниченных возможностей».

Добрые отзывы, хранящиеся в семейном архиве Ладыгиных, в своё время помогали Николаю Ивановичу стойко переносить издательское непонимание. Ведь в то время, с точки зрения издателей, поддерживаемых и поэтами, и критиками, всё, что выходило за рамки зарегулированного четырёхстопного ямба, объявлялось «формализмом, эстетством и модернизмом». И при этом считалось, что поэзия вовсе развивается.

Становление Ладыгина-палиндромиста проходило в постоянном общении с тамбовским литературоведом Б. Н. Двиняниновым, блестящим знатоком русской поэзии и, что особенно важно, поэзии первой трети XX века. Именно Двинянинов познакомил Ладыгина с творениями Хлебникова. Но Ладыгин не стал его продолжателем. В поэзии Николая Ивановича (в отличие от Хлебникова) привлекала не философия слова, а его игровые возможности. Он писал акростиhi, тавтограммы, то есть такие стихи, в которых большинство слов начинается на одну и ту же букву. Увлекался он и строгими формами. Например, написал венки сонетов. В какой-то мере он следовал одному из самых ироничных поэтов — Николаю Глазкову. Недаром он посвятил ему акростиhi и одну из тавтограмм, которая начинается вот такими строчками:

Гудит не горечью Гренады
Глазковский говорок
Глазков — гротеск, Глазков —
громеда.
Гуманен и глубок.
Глазкова горние глаголы
Гармонией гремят
И гордые глаза на годы
Грядущего глядят...

И палиндромические стихи Ладыгин сначала писал как шуточные, сатирические. Но дело в том, что палиндром, в силу своей специфики, существенно меняет акценты. Он в значительной степени лишает стих описательности и выводит его к неожиданным обобщениям. Тут сказывается и то, что это наименее заштампованная форма. Если Ладыгин как автор тяготел к лирическому или юмористическому рассказыванию в рамках прямой логики, то сам палиндром обращал время вспять вместе со строкой, и таким образом возникал новый смысл. Надо сказать, что поэт быстро это уловил и наряду с лирико-юмористическими темами стал разрабатывать и другие. Тут не обошлось, конечно, без серьёзного влияния Б. Н. Двинянинова, благодаря постоянному общению с которым поэт обращается к различным событиям русской и мировой истории, к историческим личностям, образам поэтов, писателей, художников. Как правило, он описывает известные эпизоды, но в палиндромическом варианте эти эпизоды освобождаются от однозначности.

Так, явно под влиянием бесед с крупным специалистом в области древнерусской литературы Двиняниновым была написана поэма о выдающемся писателе и религиозном деятеле протопопе Аввакуме. Здесь палиндромичность помогла воссоздать без стилизации страстный аввакумовский слог, причем не на уровне отдельных строк, даже таких мощных, как «Ада псари и распада!», а на уровне целого. Аввакум на наших глазах как бы заново проживает жизнь, постоянно возвращаясь к прошедшим событиям, как в Житии.

Интересно, что там, где Ладыгин остаётся в пределах юмористически-бытовых зарисовок, палиндром становится более игровым. Но это само по себе ценно. Блестки юмора сверкают во многих самых серьёзных сочинениях Ладыгина. И палиндром придаёт им особый колорит, завершенность. Но наибольшей силы палиндромичность у Ладыгина достигла всё-таки в тех стихах, где он касался тем лирических, драматических и особенно трагических.

В своих исторических и биографических поэмах он во многом шёл от позднего Маяковского, впрочем, используя гиперболизм его ранних поэм. Метод переложения стихами исторического материала широко применён в советской поэзии и из-за этой необъятной широты к началу 70-х годов был окончательно скомпрометирован: он выродился в иллюстрацию, как задолго до этого был скомпрометирован иллюстративный биографический фильм. Оживить этот метод можно было только какой-то необычной формой. Этим и занялся Ладыгин.

Какую бы историческую поэму Ладыгина мы ни взяли, увидим, как палиндром на наших глазах углубляет уже знакомую информацию. Особенно надо отметить, что палиндромические строки Ладыгина текучи, одна строка перетекает в другую, образуя единство. Естественно, что этот принцип диктует и чтение. Вот яркий пример из маленькой поэмы «Иван Грозный», самое начало:
Ум, роняя норму, Лих и хил.
Можно сказать об этом и как-то иначе, обыкновенным стихом, но впечатление неизбежно будет потеряно. Палиндромичность в ещё большей степени, чем рифма, придаёт высказыванию объективность. Хотя это, как и в обычных стихах,

происходит не всегда, а только в тех случаях, когда творческий заряд автора совпадает с объективной реальностью — воплощённой или угадываемой.

В лирических пейзажных стихах палиндромия выводила поэта к глубинному чувству и пониманию явлений природы. Палиндромия же сообщала стиху тот мощный напор, которым отличаются почти все стихотворения Ладыгина. Вот несколько строк из стихотворения «Марево»:

О вера моя, о марево,
Вы ропот, то порыв,
Как
Ветер орете в
Окно. Так шуми, зимушка, тонко,
Намути туман,
Намаши игру пурги и шамань

В конце жизни Николай Иванович думал о возможности сплошной палиндромичности. Имей он нормальные условия для издания своих творений, нормальное, без ярлыков, обсуждение в печати, кто знает, что смог бы открыть этот одарённый человек. Но уже то, что он сумел сделать за своё последнее десятилетие, бесспорно, оставляет за ним место в истории литературы и языка, возможности которого он показал столь ярко.

Палиндром — сложнейшая форма, требующая особой изощрённости, огромного, непрерывно пополняющегося словарного запаса. Николай Иванович рассказывал, что он видит слова во сне, говорил: «Слова нет в словаре, а я знаю, что оно существует». При этом он практически обходился без неологизмов, лишь иногда использовал просторечия и областные слова из Даля. В то же время, он активно использовал иностранные слова, которые в сочетании с исконно русскими давали самые неожиданные эффекты, например: «и крик кирки», «аккорд рока» и так далее. Но всё-таки слов не хватало, даже в словарях, приходилось обращаться к «помощи» служебных. Это издержки обратной строки. Они неизбежны. Можно говорить и о повторяемости в разных стихотворениях одних и тех же слов. Такие повторы бывают и у поэтов, пишущих «обычные» стихи, хотя в палиндромических стихах процент повторов явно выше. От этого трудно уйти. Но, как сказал тамбовский художник Валерий Романов «КТО ТУТ ОТК?» Эта шуточная палиндромическая строка возвращает нас к реальности: «Попробуй написать лучше». Рискую повториться, скажу — несмотря на общение с поэтами и критиками, понимавшими его, Ладыгин как палиндромист работал всё-таки в изоляции. Тем большего уважения вызывают результаты, которых он достиг. В целом ему удавалось успешно преодолевать те трудности, которые объективно рождает палиндром.

Почти всю жизнь Ладыгин-художник писал природу. Его работы появляются на областных, а позднее и на всесоюзных выставках. Не получив настоящей школы, вынужденный зарабатывать оформительской подёнкой, чтобы кормить семью, Николай Иванович до последних дней искал свой стиль в живописи. И. Левитан, французские импрессионисты были для него высокими ориентирами в искусстве. Лучше всего, на мой взгляд, ему удавались пейзажи. Он любил останавливать мгновения природы как бы стоп-кадром. Не случайно уже в конце жизни он пришёл к живописи на берёзовых срезках. Содержание здесь получало форму, как бы нарочно подготовленную

природой. С юношеской увлечённостью семидесятилетний художник вписывал в рамку берёзового среза прекрасные образы природы среднерусской полосы. За пару лет срезов набралось столько, что художник устроил выставку. И сегодня эти миниатюры украшают многие тамбовские квартиры.

Его пейзажи на берёзовых срезках — это как бы взгляд в природу сквозь природу. Разумеется, художнику пригодился здесь опыт живописца, но, думаю, не последнюю роль в этом открытии сыграло его увлечение палиндромами. На собственном примере Ладыгин показал, как чувства и сознание освобождаются от стереотипа.

Освобождение от стереотипа восприятия и отображения действительности для каждого из нас — реальная необходимость, многому приходится учиться заново. В том числе искусности во всех сферах жизни. Такую искусность, равную умению подковать блоху, демонстрирует Н. И. Ладыгин. Он верил, что его творчество понадобится соотечественникам.

В это верили и поэты, писатели, которые познакомились с палиндромическими стихами Николая Ивановича ещё при его жизни.

К сожалению, издательская судьба творений Н. И. Ладыгина не складывалась и после его кончины. В 1975 году, сразу после его смерти, друзья и близкие стали предпринимать попытки издания. Сохранились письма Н. И. Глазкова Б. Н. Двинянинову, в которых он предлагает различные планы издания. Неожиданный подарок друзья и поклонники поэта получили 1 января 1979 года, когда в «Комсомольской правде» появилась статья А. Левиной о творчестве Н. И. Ладыгина.

Однако, лишь в 1983 году в очередном выпуске «Дня поэзии» появилась первая посмертная публикация (многие тексты — в отрывках и сокращении). Главные же публикации стихов Ладыгина были сделаны автором этих строк в 1987-88 годах в альманахе «Поэзия», журналах «В мире книг», «Волга», в ряде газет. Параллельно я готовил к изданию книги Ладыгина. Первая ласточка — миниатюрная книжечка «Золото лоз» — с ласточками на обложке (художник Алексей Медведев) — вышла в 1993 году при поддержке моего однокурсника, первого мэра Тамбова В. Н. Ковалева. В начале двухтысячных вышли более полные книги «И лад и дали» (2002, Москва), «И жар и миражи» (2003, Тамбов), но именно эта миниатюрная книжечка, вместе с журнальными публикациями, в течение десяти лет создавала особый палиндромический ореол Тамбову. В Тамбове у Ладыгина были и последователи. Палиндромы писали Евгений Харланов, Вадим Степанов, Марина Кудимова, Александр Федулов, Евгений Степанов, Алексей Недедин. Обратимое письмо стало особым тамбовским знаком. Не всё же нам тамбовским волком хвастаться! В Тамбов мы пригласили защищать первую в России лингвистическую диссертацию о палиндроме курского исследователя и поэта Александра Бубнова. Здесь он имел возможность работать с архивными материалами Н. И. Ладыгина и впоследствии написал работу о словаре поэзии Н. Ладыгина. В 90-е годы в Тамбов приезжали российские и зарубежные исследователи, которые становились неременными гостями Дома Ладыгиных, увозя в свои дали и лад, и жар, и миражи Дома и Города.

Борис Двинянинов

стихи разных лет

Борис Николаевич Двинянинов (1911-1987) — учитель филологов в Махачкале, Грозном и Тамбове — был замечательным историком литературы, оригинальнейшим преподавателем. Его лекции о «Слове о полку Игореве» и других памятниках древнерусской литературы, о поэте-народнике П.Ф. Якубовиче, о многих поэтах и писателях XIX века были настолько оригинальны, что навсегда западали в память. Но мало кто из его учеников и коллег знал, что он пишет стихи. Я узнал об этом после окончания филфака, когда Б.Н. вышел на пенсию и наше общение уже не зависело от официальных рамок.

Собственно, в этот период — во второй половине семидесятых годов — мы продолжали наши беседы, начатые раньше, о древней и классической литературе, но всё больше обращались к русской литературе и культуре XX века. Знания Б.Н. были обширнейшими и трепетно-любознательными. Книжки он часто обёртывал суровой почтовой бумагой и на эту бумагу приклеивал соответствующие заголовки, вырезанные из газет, например, на томике Клюева — «Чистый, как родник». Его память, казалось, была более вместительной, чем его же колоссальная библиотека. Не забуду, с какой непередаваемой интонацией произносил он строки Ходасевича:

Пробочка над крепким йодом!
Как ты скоро перетлела!
Так вот и душа незримо
Жжёт и разъедает тело.

Пластами цитировал Ходасевича, Гумилёва, Пастернака, Цветаеву, Ремизова, Клюева, Клычкова, Есенина, думаю, знал наизусть всего... Я брал у него пятитомник Хлебникова, изданный Н.А. Степановым в конце 20-х годов, и он просил читать ему по телефону то, что особенно меня поразило. Хлебникова он хотел перечитать, в какой-то степени соревнуясь со мной, но зрение подводило. И я, приходя к нему домой, читал уже живую ему и его супруге — Галине Петровне Курочкиной, также нашей наставнице — трактовавшей нам на филфаке русский XVIII век и самого Достоевского...

Футуристов и вообще русский авангард Б.Н. хорошо знал и ценил. Во многом наши оценки совпадали. Безусловным совпадением была любовь к Михаилу Ларионову и Наталье Гончаровой. Б.Н. как-то сказал, что визуальный авангард прямо постигается, а тексты надо всё-таки расшифровывать и комментировать. Был страшно обрадован, когда появилась книга Виктора Петровича Григорьева о Хлебникове — «Грамматика идиостиля», из которой я ему читал куски. Повторял: «Вот, вот чего не хватало — анализа».

Собственные стихи Бориса Николаевича оказались как раз аналитичны. И в силу этого — ироничны. Чаще всего он писал стихи на случай, посвящения или, как он сам заметил, «как-то сразу вылилось». Он владел разными поэтическими техниками. Особенно интересны для меня его заумные стихи, с помощью которых он переводил в чистый абсурд абсурдные с его точки зрения газетные заголовки и «шапки». Например, вот такой текст он посвятил памяти Хлебникова:

Вы стре, о, зять! О, лей.
Вы — ра! А ще: о, жай!

На самом деле это перевод газетной шапки из «Тамбовской правды» от 10 сентября 1976 года: «Быстрее взять с полей выращенный урожай». Нельзя не заметить, насколько текст Б.Н. экспрессивнее!

Слева направо: Белоцветов, Отнякин, Двинянинов (Фото бр. Лалыгиных)

Поэтом Борис Николаевич себя никогда не называл. Поэтом для него был Пастернак, который в 1946 году подарил ему фотографию (известную ныне: Пастернак с Ахматовой) и написал: «Борису Двинянинову на счастье. Б.Пастернак».

Б.Н. рассказывал мне об этой встрече, которая произошла, если я правильно помню, после знаменитого выступления Ахматовой в Москве. У него были ещё какие-то материалы, связанные с Пастернаком, которые он впоследствии передал его сыну.

Поэтом для него был и Николай Ладыгин, с которым он дружил и высоко ценил его палиндромические стихи, называя ладыгинский палиндром «космодром поэзии». Из других современников выделял Семёна Кирсанова и Николая Глазкова. Вообще высоко ценил искусство в поэзии, всегда подмечал необычные сочетания слов в стихах. В 1985 году мы совместно готовили доклад о Ладыгине как наследнике Хлебникова в палиндромическом письме для астраханской конференции в честь столетия Велимира. Б.Н. по нездоровью не смог поехать в Астрахань, мне пришлось делать доклад одному. По возвращении отчитывался перед Б.Н. — он спрашивал, как всё проходило, как реагировали...

Стихи Б.Н. можно бы определить как непреодолимое желание филолога высказаться в том числе и стихотворным текстом. Здесь сразу отмечаешь специфические «литературоведческие» приёмы: цитирование, примечания (в том числе стихотворные), маргиналии, угловые скобки... Но в то же время, в этих стихах нельзя не почувствовать истинно поэтическую природу автора — его живую трепетную интонацию. Мне, слышавшему некоторые стихи в авторском исполнении, конечно, это слышнее. Но думаю, что эти стихи заговорят даже при чтении глазами.

**Сорок девятый: око тебе дарю —
Октябрю**

“Живы будем — не умрем!” —
Так ведь сказано...

Поздравляю с Октябрём:
С ним — всё связано:

Наши годы, наши воды,
Что мучительно текли
Через пень одной колоды,
Всё гноившей на пути.

Наши культы — наши культы —
Дали трещины в азах,
Культ Иосифа на пульте
Вместе с пряником в зубах.

Наноса удар ножовый,
Завязь сердца не сожгли.
Волчьи Ягоды Ежовы
Все сопрели - все взошли!!!

3-4 ноября 1966

Примечание публикатора.
Стихотворение написано на специальной открытке “Слава Великому Октябрю!”, на которой изображены “Аврора”, штурм Зимнего дворца и человек с ружьем. Художник Н.Седиков. Л., 1966.

Николаю Ивановичу Ладыгину

Король и Гений Палиндрома
Не только есмь палиндромист;
Он в Эльдорадо или дома
То пейзажист, то портретист!

Он Мусaget, кистей оратор,
Мир поразит ещё не раз,
И Полигимния с Эрато*
С него не сводят глаз!

*Зажги фонарь, возьми словарь, войди
в Алтарь.

Ноябрь 1967

Вместо эпитафии

Всю жизнь питался я объедками,
В обмотках сталинских ходил,
И жил одними пятилетками,
Но страстно родину любил.

Я знаю, скоро умирать,
А по сему простите,
<Мне больше нечего сказать>

Граф мой отец,
Княгиня мать,
А я — простой учитель.

5 сентября (лето 75)

Примеч.: угловые скобки — авторские. Кроме того, на полях напротив строки «И жил...» в угловых скобках слово «дышал», а рядом с последней строкой в угловых скобках строка: «А чёрный труд — учитель».

За ру нобе жиме дуру разке
Безо крепе зряке евро чества
Вы ру ежду нарме зопас удке
Азви азряд плеке убеж днойства.

За нов рубе в дунар
Азряд укреп зопас
Ираз огруб днигес
Вероп азвич трупас.

Перевод: Вырезка из “Комсомольской правды” от 27. 03. 1976: “За новые рубежи в международной разрядке, за укрепление безопасности и развития сотрудничества в Европе”.

ААН

Сосуды теряют свою эластичность,
На цыпочках входит склероз.
И мы превращаемся тихо в
античность,
Кирпичность, безличность, в
железный вопрос:

“Кто мы и откуда,
когда от всех тех лет
остались пересуды
а нас на свете нет?”

Примеч.: название стихотворения — вероятно, посвящение. Выше названия написано: “1 ноября 1976. Восстановлен в санчасти”. Рядом с цитатой приписка: “Это Бор. Пастернак”.

Об этом не спорят
Идёт за одно
И горя и моря
Солёное дно.

25.5.82

*“В них источник всех бед”
В. Хлебников.*

Ау — уа! Какие длинные-короткие
слова!

— Откуда вырвались? Из буквара
«Ау» — потеряно в лесу
«Уа!» — забыто в колыбели.
«Ау — уа» — не два — одно
палиндромическое
слово-чудо.

Обрядят в белую рубашку,
Прикроют вскопанной землей,
И расцветут на ней ромашки
И колокольчик голубой.
И вот тогда твои бумажки,
Конспекты, тезисы, стихи,
Все бабочки и все букашки
Сочтут за тяжкие грехи.

Вступительная заметка, публикация и примечания Сергея **БИРЮКОВА**

Константин **КЕДРОВ**
поэт, доктор философских наук,
литературовед, критик, главный
редактор «Журнала Поэтов»

В 1966 г. художник Ладыгин, житель Тамбова, прочёл статью поэта Семёна Кирсанова о палиндроме и всё последнее десятилетие своей жизни отдал этому экзотическому виду поэзии. В 2003 году, к столетию поэта, вышла книга классика палиндронавтики. Типичный русский мужичок с бородой, не выпускающий изо рта мундштук с дымящей сигаретой, прожил 73 года. Его любили Николай Глазков и Майя Румянцева — поэтические кумиры шестидесятых. Стихи Ладыгин писал всю жизнь, но только в палиндроме стал классиком. Многие из его текстов — пословицы в поэзии: «Ада псари и распада», «и жар и миражи», «золото лоз», «року укор», «я — Разин и заря», «силы мои омылись», «сурово Русь».

Палиндромический стих условен, как и всякий другой. Александрийским стихом в жизни изъяснялся только Васисуалий Лоханкин. Человек, говорящий в рифму, непременно обогатит психушку своим присутствием. То же самое можно сказать о палиндромистах. До Ладыгина столько палиндромов никто не писал. Хотя у Державина, Хлебникова, Кирсанова и многих других палиндромы были и даже вошли в хрестоматию. «А роза упала на лапу Азора» (Фет), «Я иду с мечем судия» (Державин). После Ладыгина палиндронавтика увлекла сотни авторов и десятки поэтов. В 1990-е годы стали выходить периодические палиндромические издания «Тит», «Амфирифма», «Кубики букв». Курский поэт и композитор Александр Бубнов защитил первую в России докторскую диссертацию о палиндроме. Интернет кишит палиндромами, как муравейник муравьями. У американцев есть большой палиндромический сайт, где всё вертится вокруг основной пары «God — dog» (Бог и собака). Вышли словари палиндромов русского языка. У французов не получается из-за сложности написания (много лишних букв, которые пишутся, но не произносятся) и по причине обязательного ударения на последнем слоге. Китайцы изобрели изобразительный иероглифический палиндром.

Ладыгин в этом океане — маяк. «Ажур кружа», он плетёт кружево палиндромического стиха, доходя до уровня настоящей поэзии, чего не было в его обычных стихах. «Обуло грезой озер голубо» — целый пейзаж. «О, вера моя, о марево» — исповедь. «Намути туман» — ну просто Мане в звуке и слове. Сегодня, когда палиндромический стих рванул ввысь, кто-то упрекает Ладыгина за обилие коротких строк типа «чуть туч». Но то был разгон с «космодрома поэзии». Так назвал палиндронавтику друг поэта, выдающийся исследователь литературы Борис Двинянинов. Самый талантливый ученик Двинянинова, ныне крупнейший историк авангарда поэт Сергей Бирюков очень точно заметил, что «палиндром — сложнейшая форма, требующая особой изощрённости, огромного, непрерывно пополняющегося словарного запаса». Спрашивать, для чего палиндром, всё равно что пересаживать из «порша» в «жигуль». Для чего «порш», если есть «жигуль», — вопрос праздный. К счастью, в поэзии «порш» изобретён нами. Россия по праву может патентовать бренд палиндронавтики. Тут мы, как в космосе, на коне, или, говоря словами Ладыгина, «да под зев зари мира — звездопад».

Палиндромисты часто изобретают велосипеды, ничего не зная друг о друге. Но и просто поэты сотни раз рифмуют

Фото бр. Ладыгиных (из коллекции Д. Гнатюка)

Из откликов на творчество Николая Ладыгина

«кровь — любовь», не спрашивая, кто впервые изобрёл эту гениальную рифму. «Откуда ладу — кто?» — как сказал Ладыгин. Можно, конечно, вслед за Пушкиным шептать: «Как мимолетное виденье...» А можно и по-новому: «О, видение! И не диво». Конечно, палиндром, как любые стихи — ещё и игра. Без неё всё тускнеет.

Кто-то считал Ладыгина чудачком, сбрендившим пенсионером. Он ведь ещё и пейзажи писал на срезах берёзы. Я таких срезов видел множество во всех уголках России. Однажды Ладыгин сказал: «Слова берут не из словаря, они есть. Я их вижу». Вот в чём дело. Он не шукарь, жонглирующий словами. Он эти слова видит, как пейзажи на берёзовых срезах. Только палиндромы не на берёзе, а в душе поэта начертаны. Он их видит и озвучивает — тамбовский колдун, похожий на врубелевского Пана со свирелью в руках. Не случайно в стихе «Врубель» есть такой палиндром: «Нас и «Пан» написан». И ещё там же: «Не музе безумен».

На жизнь Николая Ладыгина можно взглянуть по-разному. Союзписательский официоз его, конечно, не признал. Дал от ворот поворот. Егор Исаев подписал свою книгу: «Николаю Николаевичу Ладыгину — человеку, с которым просто по душе, а по делу сложно. Как тут быть? Пусть Бог рассудит. 26/IV — 74». Через год Ладыгин умер. А Бог уже рассудил. Палиндромы Ладыгина живут во всём. Взглянул на окно зимой и — «мороз улыбки дик был узором». Взглянул на картину Гогена — «окно Таити, а тонко». Почувствовал приход весны — «весна — реверанс Ев». Открыл сборник Ладыгина — «я вижу живя».

Павел **НАГОРСКИХ**
(Пермь)

Золото лоз

Золотисто вот сито лоз
Н. Ладыгин

Золотисто вот сито лоз
И лад светел, уму лет Ев сдали,
Ила сор били, вили, бросали,
Соло — в зиму, тут ум из волос.

Зло потел, вялил я, в лето полз,

Сети ем, смотри влил, — вы ртом
смейтесь,
Сети Ев, звонко вы в окно взвейтесь,
—
Сор у див, сан у нас, вид у рос.

Сони лик, ор и рок, ил и нос, —
И к сарказму летел ум закраски,
Икса муки ль лад дал, лику маски,
Сок зимы дан со сна, дым из кос.

Зори, ладу вив удали роз, —
Лет и Бог, ор, дом од, рог. Обитель,
Лети вон, ход, в уму вдохновитель-
То в дали лад, вот
Золото лоз...
.....
Удавил — и в аду
Зола лоз...

1994

Александр **ФЕДУЛОВ**
(Тамбов/Москва)

Вспоминая Ладыгина
Николая Ивановича

Жил художник когда-то в Тамбове;
Портреты писал и природу,
И стихи, явившиеся внове,
Прельстившие сухонью* тьму народа.

То время отошло ко сну,
Когда и НИЛ, впадая в Цну,
Средь пирамид воздушных сти хов
Вливался в творческую прихоть,
Дразня пером слепое лихо.

Художник — сын (как в сказке) вдовый.
Всю жизнь он требует отца,
Будь хоть на Марсе, хоть в Тамбове, —
Не лика — зеркала — лица.

Там тихо Мастер — как река —
Течёт в своё мифоколенье,
И память — барственный бекар —
Нас отвлекает от забвенья

Почтить Икаров. В небе — «дроны».
Жизнь съежилась до палиндрома,
До семечка, уснувшего для принца.
Откуда и стихи — небесная таблица

Большого взрыва, световой волны; —
Услышать этот свет вибрирующий
давний, —
Что есть Художник. Словом — мы
вольны.

О чём нам в спину дышат камни

И, разворачиваясь в лист,
Весенних почек нас окликающий по-
сви-и-ст.

*произведено от речки Сухонь, которая
два раза в год меняет направление
течения на обратное.

07.12.17

Александр **В. БУБНОВ**
(Курск / Москва)

МОНОПАЛИНДРОМЫ
по мотивам палиндромических
стихотворений Николая Ладыгина

(1)

«И жар, и миражи...»
(Н.Ладыгин)

ЖАР И МИР
(поток)

От совы-мудрости туман стонет.
Стоит ива-дума.
Ранен у лир покой,
и кони —
долги нот —
тираду топчут.

Утонули саги миров томно.
С восторгом
яр пел зов,
а возле прямо — грот.

Сов сонм,
отвори мига силу!..

Ноту
туч поту
дарит
тон игл одинокий.
Око при луне на раму давит.

И от стен,
от сна
мутит сор думы...

Восток,
отопри мираж!..

1994

(2)

«Ах это поле! Не лопот эха...»
(Н.Ладыгин)

«Я — бес!.. Я — Око!..» —
пело во поле времени зеро резко —
тяп! —
и мат
семи-нар...

Бело поле,
во поле полоска...

Как соло пело! —
повело поле брани местами пяток,
зеро резине мер вело
по воле покоя
себя...

(3)

«...То вино, то взоры роз. Вот они,
вот...»
(Н.Ладыгин)

В охре вот сижу,
вижу сто верхов
и...
Он
и в ладони вино дал,
Взор себе —
низ,
и риторики рот,
и риз,
и небес —
роз в ладони вино дал,
вино!
И в охре вот сижу,
вижу сто верхов!..

МЁРТВЫЙ, ДОБРЫЙ

1-е место на конкурсе «Российской газеты» «Страшная комната, или Паустовский в жанре хоррор» - 2017

— Вставай, а то царствие небесное проспийшь! — кто-то трясёт Мишку за плечо. Он открывает глаза. В большой комнате темно. Только слышится надсадный бабкин храп за ситцевой занавеской.

Над Мишкой кто-то стоит. Мальчик всматривается и истошно кричит. Дождавшись, когда его вопль стихнет, дед строго, но добродушно спрашивает:

— Чего орёшь, окаяшка? Режут тебя?

Мишка снова визжит, но тут голос садится, переходит в хрип.

Деда вчера похоронили. Тогда почему он снова здесь, да ещё и разговаривает? Этак мирно:

— Вставай, внучек. Я ведь из-за тебя ни свет ни заря поднялся. Через сорок дней будет невмочь, а сейчас в самый раз.

Мишка чувствует, что, несмотря на тепло в избе, по коже бегут морозные мурашки. Он кутается в одеяло с головой и спит:

— Не пойду я никуда. Да воскреснет Бог..., — но продолжение молитвы от нечистой силы теряется в памяти.

Дед стягивает одеяло:

— Хватит прохлаждаться! Что за молодёжь растёт!

Мишка вскакивает, как ошпаренный, отбегает к печке, возле которой сушится обувь.

— Вот-вот, сапоги обувай, там сыро, — советует дед.

— Конечно, сыро! — Мишка помнит, что вечером прошёл дождь, и в могилах, наверное, вода. Ведь не иначе дед пришёл забрать его!

Почему? Десятилетний Мишка знает объяснение: в селе говорят, что если ты обижал родственника, а он внезапно умер, то придёт за тобой и уведёт в мир иной. А Мишка перед дедом виноват — когда тот слёг за месяц до смерти, то внука часто просил то книгу подать, то папиросы принести, то чай заварить, если бабушки дома не было, а Мишка медлил, ленился, убежал из хаты играть с соседскими мальчишками. Вот и доигрался...

— И куртку с капшоном надень, чтоб за шиворот не сыпалась роса.

Да, на кладбище много кустов, росы на них должно быть порядком, — соображает Мишка.

Почему же бабушка не просыпается? Храпит по-прежнему, словно не слышала воплей внука.

— Деда, я покойников боюсь, — шёпотом признаётся Мишка.

— А чего нас бояться? — буднично замечает дед.

Мишка хочет включить свет, поскольку стоит как раз возле рубильника, но страшится увидеть мертвеца во всей красе. Уж лучше тёмный силуэт.

Отправили Мишку родители к бабушке с дедом на всё лето, а тут такая казая — не увидит им больше сына. Мишка начинает тихо плакать.

— Нюни распустил! Хлеба возьми да колбасы, или сыра. Что есть-то будешь? Аппетит там отменный!

— В могиле аппетит? — у Мишки волосы на голове встают дыбом. Он представляет, как сидит в яме на дедовом гробу и ест бутерброды.

Бабушка особенно громко всхрапывает.

— Не домовой ли душит? — с тревогой замечает дедушка.

А при жизни ругался:

— Эж её разрывает! Так бы и

прикрыл подушкой!

Трясущимися руками мальчик открывает холодильник, берёт плавленый сырок. Отламывает горбушку хлеба от лежащей на столе буханки. Суёт снедь в карман.

— Пойдём, — говорит дед и открывает дверь.

Мишка плетётся за ним. Во дворе стоит, словно окаменев, их чёрная тонконогая собака Жулька, уши висят в разные стороны — не лает, но и хвостом не виляет, наверное, кажется ей хозяин очень странным.

Дед берёт Мишку за руку — никогда прежде так не водил, они выходят за калитку и шагают по дороге. Пальцы у мертвеца крепкие. Вырваться боязно.

Высоко в небе сияет полная луна. Деревня спит. Стрекочут кузнечики, журчащий хор лягушек слышен издали. Мишка оглядывается вокруг — всё кажется ночью другим, таинственным.

— Погляди-ка направо! Банника заметил? — показывает дед туда, где зашуршала трава. — Веник берёзовый понёс. Хозяйственный.

Мишка никого не различает. Бросает косой взгляд на деда, замечает острый нос, тёмные провалы вокруг блестящих глаз.

— Погляди-ка налево, вот бесстыжая, — сплёвывает дед. У соседского сарая мелькает баба в сорочке. — ведьма идёт чужих коров доить... Ты не озяб ли, окаяшка?

Мишка на свежем воздухе немного опомнился и приободрился. Только сейчас он понимает, что направляются они с дедом вовсе не к кладбищу. Вот миновали соседнюю улицу, клуб, магазин...

Мишка думает, что дед изменился. Раньше называл бы чертякой, да ещё и подзатыльники отплевывал. А теперь и рассказывает что-то внуку, и заботится, чтобы тот не простыл. При жизни бы так! А то скажет им с бабушкой: «Одна брюзжит, другой визжит», и уходит неведомо куда с чекушкой водки.

Спускаются под гору. Впереди раскинулся широкий луг, трава отликает серебром под луной, кое-где видны круги и полумесяцы покосов. Топают по влажной дороге.

Но Мишке всё равно страшно, потому что непонятно — зачем дед ведёт его в противоположную от кладбища сторону? Вдруг там что-то ещё хуже?..

Вот и озеро. Долгим чёрным зеркалом выгнулось оно на опушке смешанного леса. Окружено прошлогодним сухим камышом попеременно с молодыми острыми стеблями. Через заросли то тут, то там ведут тропинки.

Вдруг Мишка замечает шалаш. Дед наклоняется, извлекает оттуда лопату, протягивает внуку и командует:

— Копай!

Могилу! — холодеет Мишка и жалобно лепечет:

— Дедуня, прости. Я знаю, что плохо себя вёл, не слушался. Ей-Богу, я всё понял! Отпусти, пожалуйста. Я буду бабушке помогать — картошку полоть, кур кормить, воду носить из колодца... Учиться стану на одни пятёрки.

— Так ты же сам просился! — восклицает дед. — Всё время ныл: возьми да возьми. Вот я и подумал, что виноват перед внуком. Не будет моей душе покоя, пока на рыбалку не съезжу! Ну, довольно слёзы лить. Копай червей! Удочки в шалаше. Надо до третьих петухов вернуться — тебе домой, мне в домовину.

Марина СТРУКОВА

Феномен частных музеев

Дом Ивана Михайловича Потапова

По мнению специалистов, тенденция широкого распространения частных музеев зародилась в США примерно в 30-е годы прошлого столетия.

В начале 2016 года авторитетный портал арт-рынка Larry's List выпустил исследование о распространении частных музеев в мире. Лидером по числу музеев стала Южная Корея (в стране находятся 45 частных учреждений), на втором месте — США (43), на третьем — Германия (42). Китай, где также наблюдается бум частного музейного дела, занимает четвёртое место (26 частных музеев).

Любопытными стали результаты исследования городов, где расположены частные музеи. Оказалось, например, что в Москве, отнюдь не являющейся общепризнанным центром современного искусства, расположены шесть музеев такого рода. В то же время, в Нью-Йорке исследователи насчитали всего пять частных музеев, в Лондоне — четыре.

Площадь среднего музея составляет около 3300 кв. м. 43 процента мировых частных музеев имеют в своих коллекциях менее 500 экспонатов, а в 38 процентах музеев работают менее пяти сотрудников.

Некоторые специалисты прямо говорят, что мир вступил в новую музейную эру. Но откуда возник музейный бум? Отчасти это вызвано тем, что традиционные музеи в Азии и Европе получают недостаточно средств от государства. Это влечёт за собой уменьшение числа выставок и сворачивание научной работы. Частные музеи, владельцы которых могут без сожалений тратить деньги на искусство, восполняют эти пробелы.

Но и мировоззрение самих коллекционеров сегодня меняется. Они хотят «поделиться» со всем миром своими уникальными приобретениями и находками, получить отклик общественности, внести свой вклад в мировую и региональную культуру.

Любопытно, что сегодня в Тамбове силами коллекционера Дмитрия Гнатюка также создаётся частный музей. Будем надеяться, что вскоре он начнёт свою работу, во всяком случае, уже весной этого года предполагается развернуть полномасштабные реставрационные работы в доме головы Тамбова Потапова.

«Это абсолютно руинированное здание. Стояковый сгнивший сруб, который обложен в полкирпича», — говорит Дмитрий Гнатюк.

По словам коллекционера, фасад со стороны Лермонтовской сохранится один в один. Но многое же предстоит соотнести с современными требованиями пожарной безопасности, с обеспечением условий для людей с ограниченными возможностями здоровья, сделать эвакуационные выходы.

Пока идёт подготовительная работа, пополнение коллекции, согласование проекта реконструкции исторического здания, разработка концепции и так далее.

Хотя руководство областного центра сразу же оговорило условия договора при передаче (реализация с аукциона) предпринимателю исторического здания — организации выставочного зала. Это вполне обоснованное требование, в Тамбове не хватает помещений для организации различных выставок.

По словам Дмитрия Гнатюка, ему ближе и интересней всё же литературно-художественная направленность музея. Предполагается создание постоянно действующей экспозиции старинных открыток с видами Тамбова и его окрестностей, а также экспозиция, посвящённая поэту палиндромисту Николаю Ладыгину, его творческому окружению, а также его сыновьям Борису и Алексею — фотографам, которые создали уникальные образы Тамбовщины на рубеже середины и конца прошлого века.

Кроме того, стоит задача: вывести работу частного музея на минимальную рентабельность. А это сделать весьма непросто, если учесть, что ему придется конкурировать с монстрами индустрии развлечений.

Сегодня музей — не только собрание уникальных вещей, но творческая, научная площадки, место встреч с интересными людьми, организация выставок, в конце концов, место, где приятно и с пользой можно провести время с семьей. Словом, музей должен жить насыщенной и полноценной жизнью, чтобы оказаться жизнеспособным.

Олег ТЁТУШКИН

ИСТОРИЯ ОДНОГО ЭКСПОНАТА

Олег АЛЁШИН

Частный музей, который сегодня создаётся в доме общественного деятеля, врача, головы Тамбова Ивана Потапова (1877-1948) пока в стадии проектирования, но его фонды уже пополняются различными артефактами. Сегодня мы расскажем об уникальных книгах поэта Николая Глазкова, которые он когда-то подарил своему другу — поэту Николаю Ладыгину, о чём свидетельствуют автографы Николая Глазкова в поэтических сборниках.

Советский самиздат — явление довольно разношёрстное. В 1960-1980 годы в машинописных копиях, а также в чёрно-белых фотографиях ходила литература не только диссидентская, но и художественная, не умещавшаяся в жёсткие цензурные рамки.

Но ещё в конце 1940 годов слово “самиздат” подарил родному наречию Николай Глазков. Нет, поэт не был политическим оппонентом властей, более того, он понимал опасность инакомыслия, просто его юродивость вызывала оторопь у литературных чиновников и издателей. Стихи Николая Глазкова также не соответствовали лекалам советской поэзии. Поэтому двери в большую литературу для него были закрыты вплоть до 1957 года.

Психиатры в 40-е годы ему даже поставили диагноз циклофрении. С таким медицинским приговором его даже не взяли в действующую армию во время Великой Отечественной войны.

Была ещё одна интересная особенность характера Глазкова: он был начисто лишён каких бы то ни было комплексов; он не понимал, что это такое «неудобно», «неприлично», «не поймут», «так не принято» и т. п.

Небезызвестная Лиля Брик одна из первых высоко оценила талант поэта. При этом неоднократно поддерживала материально (когда он себя хорошо вёл и слушался её советов) и — подала идею издания рукописного “самсебяиздатского” сборника.

Пародируя названия Госполитиздат, Профиздат и т.д., Глазков печатал на обложке Самсебяиздат. В таком виде он дарил и давал читать свои книги друзьям и знакомым.

На хлеб насущный ему приходилось зарабатывать колкой дров, носильщиком на вокзале. Где-то в середине 50-х он устал от такой жизни, сдался и стал писать “печатаемые” стихи.

Судя по четырём книгам Николая Глазкова, которые сегодня находятся в коллекции частного музея Тамбова, «Самсебяиздат» продолжал существовать и в 60-е годы, когда уже в печати появились его официальные публикации.

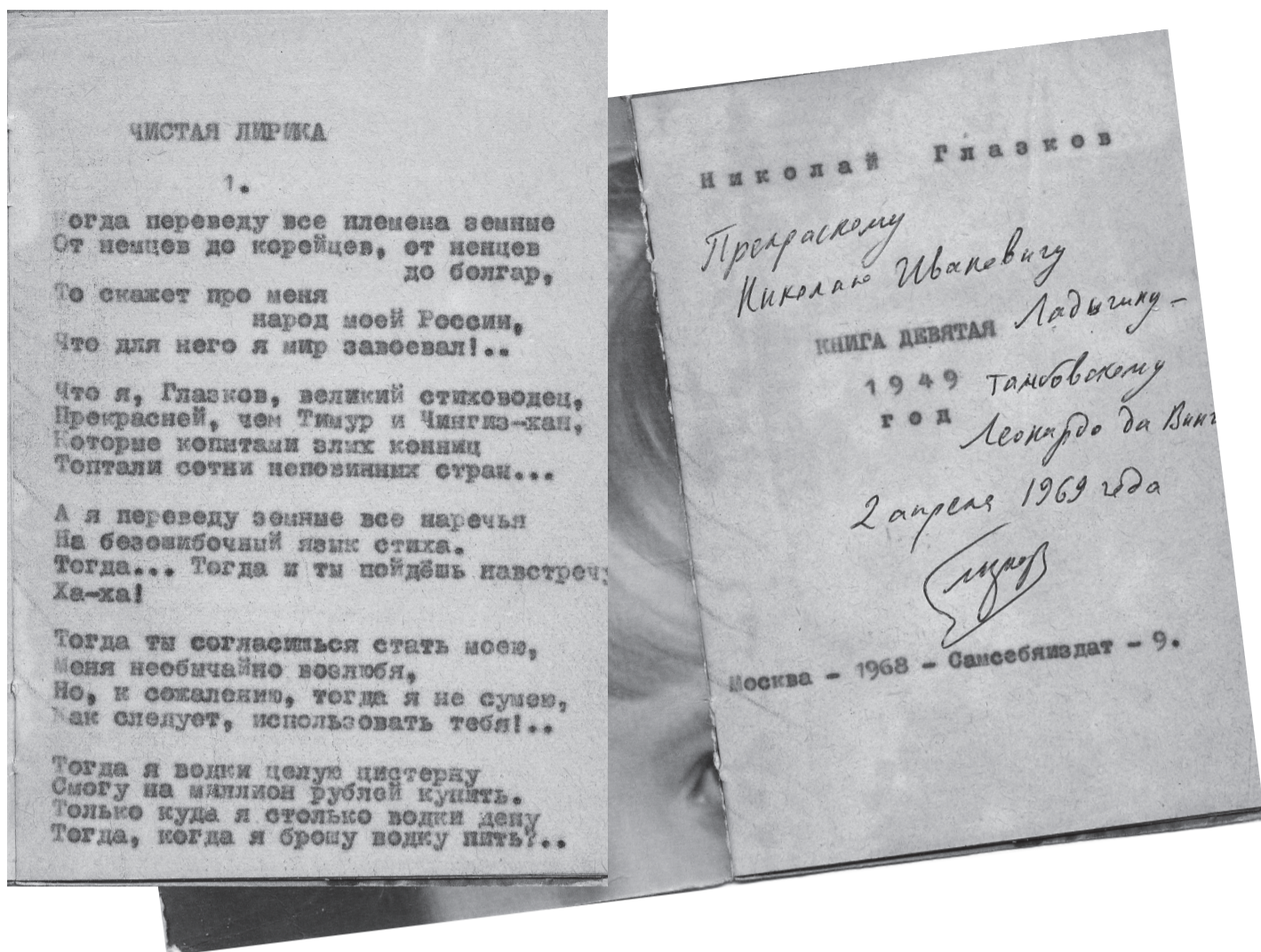
Интересно, что на титульном листе стоят несколько дат:

- Книга девятая. 1949 г. Москва — 1968 г. — Самсебяиздат — 9.

- Книга восемнадцатая. 1958 г. Москва — 1964 — Самсебяиздат — 8.

- Книга двадцать вторая. 1962 г. Москва — 1964 г. — Самсебяиздат — 2.

- Великий Шахматей. 1960-1966 гг. Москва-1967 г. — Самсебяиздат — 4.

Самсебяиздат

В ТЕМУ

КСТАТИ

В 1959 году Глазков принял участие в самиздатском журнале “Синтаксис”, но это был последний случай его участия в неофициальной литературной жизни. Начиная с 1957 года у Глазкова вышло более 10 сборников стихов и переводов. При этом переводил Глазков не только с подстрочника — он знал якутский язык. Впрочем, лучшие его стихи 30-х — 50-х годов в эти сборники включены не были, а включённые подвергались значительным цензурным искажениям.

Книги, адекватно представляющие творчество Николая Глазкова, появились лишь в 80-х — 90-х годах XX века, а некоторые его произведения не опубликованы до сих пор. Наиболее полно творчество Н. Глазкова представлено: Николай Глазков, Избранное, Москва, “Художественная литература”, 1989.

Имея диплом учителя русского языка и литературы, Глазков с 1942 по 1944 годы работал учителем в селе Чернуха Чернухинского района Арзамасской области. Вернувшись в Москву в 1944-м, он в послевоенные годы существовал на зарплату носильщика, грузчика, а также пильщика дров. В течение одного трудного месяца обедал в доме Лили Брик, что спасло его от голода.

ЛЮБОПИТНО

Среди его друзей в разное время были поэты Павел Коган, Михаил Кульчицкий, Александр Межиров, Михаил Луконин, Николай Майоров, Сергей Наровчатов, Давид Самойлов, Борис Слуцкий.

ИЗ БИОГРАФИИ

Николай Иванович Глазков
 Русский поэт, переводчик.
 30 января 1919, село Лысково, Нижегородская губерния — 1 октября 1979.
 Похоронен на Востряковском кладбище в Москве.
 Писал стихи с 1932 года. С 1938 года учился на филологическом факультете Московского государственного педагогического института. В 1939 году вместе с Юлианом Долгиным основал неофутуристическое литературное течение “небывализм” и выпустил два машинописных альманаха, за что в 1940 году был исключён из института.
 В 1941 году по рекомендации Николая Асеева был принят в Литературный институт, где учился с перерывами до 1946 года. Начиная со второй половины 1950-х годов жил литературным трудом.
 В 1966 году Николай Иванович снялся в эпизодической роли «летающего мужика» Ефима в фильме Андрея Тарковского «Андрей Рублёв». Глазкова также хотели снять в роли Достоевского, но не утвердили в этой роли.

Тамбовский Поэтоград Николая Глазкова

Три Николая: Ладыгин, Никифоров, Глазков. Фото Н. Куксова

Владимир СЕРЕДА

Один из авторов воспоминаний о Николае Глазкове сделал предположение, что у настоящего поэта должна быть вторая малая родина и что для Глазкова этой второй малой родиной была Якутия. Может быть, сам поэт и не возражал бы против такого утверждения, однако он успел сказать немало добрых слов и строф не только о Якутии, но и о Тамбове, в котором бывал за много лет до того, как начал осваивать Якутию.

Знаменитую его строчку «и в городе Тамбове я был пятнадцать раз» мы можем теперь уточнить: не пятнадцать, а семнадцать. Впрочем, и эта циферка нуждается в корректировке. Неоднократно Николай Иванович писал своим друзьям, «тамбовчанам-молодчанам», как он их называл, что, возвращаясь из южных или восточных краёв Советского Союза, гулял по тамбовскому перрону в надежде встретить хоть кого-то из знакомых. И если бы встретил, наверняка ещё недельку-другую провёл бы в Тамбове.

Это было время мощного творческого потенциала наших литераторов, насыщенной культурной жизни, и появление Глазкова в этой среде неизменно приводило к её оживлению. Традиционные Дни поэзии превращались в недели и охватывали не только областной центр, но и районные, и даже самые глубинные деревни. Туда выезжали с выступлениями и тамбовские поэты, и гости из столицы. «Если Стрыгин не пригласит меня, я не приеду, и День поэзии превратится для вас в ночь!», — полусушутя-полусерьёзно грозился Глазков в письме «тамбовчанам-молодчанам» накануне одного из таких мероприятий.

Впервые Николай Глазков приехал в Тамбов в 1953 году к Ульяночке, как он называл своего однокашника Никифора Ульяева. На экземпляре книги воспоминаний о Николае Глазкове, хранящемся в собрании Н. А. Никифорова, Ульяев написал: «С

Николаем Глазковым я вместе учился в Литературном институте имени Горького (я был на втором курсе, он — на третьем). Появление книг Н. Глазкова «Избранное» и воспоминания о нём — отрадное событие». Но это было значительно позже, спустя десять лет после смерти Глазкова, а тогда, в начале пятидесятых, никто их не печатал, да и мало кто знал. Те поэты и прозаики, с которыми Ульяев познакомил Глазкова, были совершенно юными, хотя некоторые из них и прошли войну. В своём кругу они звали друг друга Ваня Кучин, Семё Милосердов, Саша Стрыгин. Тогда же Николай Иванович познакомился со своими тёзками — Николаем Ивановичем Ладыгиным и Николаем Алексеевичем Никифоровым и очень быстро подружился с ними.

Иногда становится грустно оттого, что читатели не имеют возможности познакомиться с эпистолярной частью их литературного наследия, которая для печати и не предназначалась, но в которой, может быть, с большей силой раскрываются доброта и широта души, талант любви, а иногда и величие автора. Добрые слова о человеке можно сказать не только в некрологе. Глазков успел оделить добротой всех своих тамбовских друзей.

О Ладыгине он писал: «Будущее, думается мне, за леонардо-давинчностью, если можно так выразиться. И в этом смысле семидесятилетний Николай Иванович Ладыгин — человек нашего времени с чертами человека грядущего. Поэтому и знают его не только на Тамбовщине. Не напрасно слухом земля полнится». Каждое его письмо Ладыгину пронизано любовью и уважением: «Дорогой Николай Иванович! В издательстве «Советский писатель» у меня вышла «Пятая книга», которую я Вам вышлю, как только сочиню трогательную надпись». В другом письме он предлагает Ладыгину практическую помощь в издании его стихов в издательстве «Советская Россия». Каждое письмо Глазкова заканчивается просьбой передать

приветы: «Александр Ивановне, Боре, Лёше, Майе Румянцевой, Семёну Милосердову, Саше Стрыгину, Двинянинову Прекрасному, Ульяночке Молодому, Толе Куприну, Коле Никифорову, Диме Калашникову, Лёше Краснову и всем посетителям прекрасного ТДЛа». Эта аббревиатура Тамбовского Дома Ладыгиных была придумана Глазковым. Изобретённый им термин «самсебяиздат», слегка сокращённый современниками, стал одним из признаков эпохи.

Так же добр и щедр он был ко всем своим «тамбовчанам-молодчанам» и «тамбовцам-стихотворцам». В моём распоряжении больше всего побывало писем к НАНу — Николаю Алексеевичу Никифорову. Можно предположить, что эта переписка двух Николаев и была самой плотной. Многие письма к Николаю Алексеевичу Николай Иванович начинал словами: «Дорогой мой тёзка!» В одном из них он пишет: «Мои соседи, заслышав от меня о великом тамбовском коллекционере Никифорове, вознамерились подарить Тамбовскому Литературному Музею имеющуюся в их распоряжении картину работы старинного мастера.

Как поступают ЦезарИ?

Приди, увидь и забери».

Письма Глазкова НАНу чаще всего были наполнены не только стихами и прозой самого автора, но и творениями очень многих других его корреспондентов. Для Николая Ивановича забота о пополнении ТЛМ стала личной задачей, которую он успешно решал. «Позавчера в издательстве «Советская Россия» поэт Дима Смирнов похвалился своим экслибрисом. Я у него этот экслибрис тут же изъял, сказав, что пошлю его великому тамбовскому коллекционеру — основоположнику музея Николаю Алексеевичу Никифорову. Экслибрис Дм. Смирнова посылаю». Дому, в котором пару раз побывал Никифоров, как известно, уже и пожар был не страшен. Бывая в московской квартире Глазкова, он забирал оттуда весь «хлам»,

благодаря чему мы имеем возможность теперь изучать биографию и духовный мир как самого хозяина, так и всего его окружения.

Всем своим друзьям Николай Иванович спешил подарить каждую из своих вновь изданных книг. Каждую подаренную книгу он снабжал посвящением: двустихием, четверостишием, стихотворением на весь титульный лист. Впрочем, посвящения он писал не только на книгах. Писал на открытках и фотографиях, на вырезках из газет и журналах и даже на конфетных фантиках. Всё это было написано с большим юмором и преувеличением достоинств одариваемого, впрочем, нередко и с гиперболизацией его пороков:

Великому коллекционеру Николаю Алексеевичу Никифорову:

Люблю тебя и уважаю,
Ты молодец, достойный славы -
И потому «Москва Большая»
Принадлежит тебе по праву!

21 сентября 1969 г.
(«Большая Москва», М., 1969)

Тамбов не стар, да и не молод,
Обыкновенный самый город,
Но там Никифоров живёт.
Эссенуки пьёт, а не влугу,
Что возбуждает в нас отвзугу,
Коллекции хранит, однако,
Ему за это и почёт!

1979

Про это знает вся страна
От Закарпатья до Чукотки:
Не пьёт Никифоров вина,
Но нравятся ему красотки!

1977

Никифоров талантлив и смьшлён,
Пил этот чай, приехав на Цейлон.
(На пачке чая).

Молодому Ульяночке Ульяеву:
Ульяночка, сивуху пьющий,
В делах амурных генерал!
В лесу у речки Цны живущий,
Прими «Москву Большую» в дар.
21 сентября 1969 года.

Очаровательной Томе -
И никому кроме!
7 ноября 1962 г. «Поэтоград».

Про творческие командировочки
Посылаю прекрасной тамбовочке
Томочке!

17 мая 1971 года
(Посвящение к «Творческим командировкам» (М., 1971)

Красотку манит пароход,
И глубина лазурных вод,
И изумрудная волна,
Но летом разве хуже Цна?..
Ничуть не хуже, лучше даже:
Купается в ней Стрыгин Саша!

Для семьи Александра Васильевича Н.И. Глазков тоже стал близким человеком с самого её основания. По моей просьбе Лидия Тимофеевна Стрыгина прислала свои краткие воспоминания: «Это была незабываемая встреча. 16 мая 1964 года я и мой суженый Александр Стрыгин прибыли утром в ЗАГС г. Тамбова для регистрации нашего брака. Нас сопровождали наши, то есть тогда ещё его дети Надя и Серёжа, а также наши друзья, свидетели, Никифор и Шуручка Ульяевы.

Прибыли мы раньше, чем положено, ещё не явились работники ЗАГСа, но в вестибюле уже было полно людей, и знакомых, и незнакомых.

Мы разместились на стульях в ожидании приглашения в зал регистрации, тихо разговаривая между собой о предстоящей поездке в г.

Моршанск к моим родителям, где будем праздновать нашу свадьбу.

И тут меня привлёк пристальный, неотступный, прямо-таки сверлящий взгляд незнакомого бородатого мужчины, сидящего напротив меня. Станный человек так пристально меня рассматривал, что мне стало не по себе, и я шепнула об этом Саше. Саша тут же пересёк вестибюль, что-то тихо сказал бородатому, и тот быстро покинул помещение.

После процедуры регистрации мы и наши гости перешли в банкетный зал, начались поздравления, внесли шампанское. И тут неожиданно появился — но уже без бороды! — и представился мне: — «Коля Глазков».

Оказывается, он приехал из Москвы со съёмки в фильме «Андрей Рублёв», где он играл роль бородатого «летающего» мужика, приехал в гости к местным литераторам».

Внешность играла с ним иногда злые шутки. Кто-то утверждал, что достаточно взглянуть на Глазкова один раз, чтобы запомнить его облик на всю жизнь. Женщины, как в случае с Лидией Тимофеевной, нередко пугались его лохматой головы и клочкастой бороды, да так, что он и сам был вынужден объяснять читателям в небольшом рассказе «История моей бороды», что носит бороду не из щегольства и не в угоду моде, а по той причине, что:

Незначительной бородкой
Я от стужи защищён.
Волос пусть даже короткий
Всё же шерсть, а не нейлон!

Один из авторов воспоминаний о Глазкове утверждает, что, полюбив образ летающего мужика во время работы с Тарковским, он никогда из него не выходил, то есть никогда не брил бороду. Андрей Тарковский, кстати, назвал Глазкова актёром от Бога. Лидия Тимофеевна внесла свои коррективы в историю с бородой и между прочим продолжила: «А Коля Глазков обосновался в беседке в глубине сада, нашёл там стопку старых журналов, в основном «Крокодил», собрал вокруг себя детей, организовал «телеграф» — вырезал картиночки из журналов, тут же придумывал к ним четверостишья и посылал их («телеграммы») в нашу взрослую компанию за столом. Дети стояли в очередь к дяде Коле за этими посланиями и бежали к нам, доставляя «телеграммы».

Затем, мужчины состязались в метании ядра, и Николай азартно играл в эту игру. Но все друзья устроили так, чтобы первенство досталось «жениху».

Впоследствии я ещё не раз виделась с Николаем. Это был большой ребёнок, добрый, чудаковатый, наивный, забавный и немножко хулиган».

В памятные дни празднования 70-летия со дня рождения С.А. Есенина в Тамбове проходили «Дни литературы». В этом мероприятии вместе с тамбовскими поэтами и писателями принимали участие и поэты, приехавшие из столицы: Николай Глазков, Алексей Марков, Владимир Котов, Игорь Кобзев. Конечно же, всё творческое сообщество, включая и Н.А. Никифорова, отправилось в Константиново. Спустя 30 лет, в дни празднования 100-летия поэта, тамбовская газета опубликовала краткие воспоминания Никифорова об этой памятной поездке: «Утром 2 октября мы приехали на родину поэта в село Константиново. Был чудесный солнечный тёплый день. Многолюдно. В полдень начались торжества. Открывая праздник, председатель Рязанского облисполкома сказал, что колхозники села Константинова, взявшие обязательства к юбилею поэта,

успешно их выполнили. Наша делегация была самой представительной и имела большой успех. Прямо со ступенек автобуса читали стихи поэты из Москвы и Тамбова. Привезённые с тамбовской земли цветы положили к порогу дома поэта, а Коля Глазков по этому случаю прочёл экспромт, на что был очень горазд. А я в свой путевой альбом автографов собрал большой урожай добрых слов. Все они, конечно, были посвящены юбилею. Оставили свои автографы сёстры поэта, а также его биограф Юрий Прокушев. «Тамбовским друзьям. Молодцы», — такие слова запечатлел знаменитый исследователь творчества Сергея Есенина». В этот знаменательный день тамбовскими фотохудожниками Борисом и Алексеем Ладыгиными и Николаем Куксовым были сделаны десятки фотографий, которые позволяют воссоздать первую страницу в истории главного есенинского музея. Некоторые из этих фотографий стали достоянием музея-заповедника в Константиново. Однако, составить список участников той поездки пока не удалось. Спросить не у кого. В отчётах о днях литературы тех лет упоминаются юные поэты Геннадий Якушенко, Евгений Харланов и другие, которых тоже давно нет. Правда совсем юные тогда поэты, прозаики, журналисты, которым нет сейчас и восьмидесяти, а некоторым даже и... Впрочем, семьдесят есть всем, написали по моей просьбе воспоминания о Глазкове. У меня до лучших ближайших времён хранятся воспоминания Евстахия Начаса, Евгения Писарева, Аркадия Макарова, Валерия Седых. Есть надежда, что и некоторые другие напишут о тех встречах с Николаем Ивановичем, которые им довелось пережить.

Тамбовские поэты посвятили Николаю Глазкову немало стихов. И при его жизни, и после смерти, но вспомнилось почему-то стихотворение Бориса Слуцкого, которое начинается словами:

Это Коля Глазков. Это Коля -
шумный, как перемена в школе,
тихий, как контрольная в классе,
к детской принадлежаний расе.

И заканчивается:

Скинемся, товарищи, что ли?
Каждый пусть по камешку выдаст!
И поставим памятник Коле.
Пусть его при жизни увидит.

Не увидел!

Подборка стихотворений Николая Глазкова

Старый Тамбов

Б. Ладыгину

Когда цветущею весной
Я прохожу по Набережной,
То вижу город расписной,
Давнишний или давешний.

И, может быть, не так давно
Здесь домики построены,
Но всё равно, но всё равно
Они куски истории.

И, вероятно, каждый дом
Здесь не вершина зодчества,

Но что-то есть такое в нём
От мастерства и творчества,
И от того, что велчать
Советует фантазия.

Лежит на домиках печать,
Печать своеобразия!
И тот микрорайон хорош,

Который должен вырасти -
Есть в старом городишке всё ж
Черты неповторимости.

Поэтому наверняка
Старинные строения
И на года, и на века
Достойны сохранения!

У коллекционера

Николаю Алексеевичу Никифорову

Маяковский, Гагарин, Китай,
Космос, Индия, Наполеон
И Тамбовский родимейший край
От древнейших до наших времён.

Фотоснимки, подшивки газет,
Книги, рукописи, журналы,
Много перстней, значков и монет,
Торжество камня, лака, металла.

Авторучка, игла, карандаш,
Кисть, резец — всем пришлось
потрудиться.

Масло, шёлк, акварель и гуашь,
Взлёт искусства и ломка традиций.

Статуетки, картины, медали,
Снова книги, поэзия, проза,
Снова в камне, в бумаге, в металле
Экспонат по любому вопросу.

Здесь музей. И чего только нет!
Удивительный материал.
Десять лет, двадцать лет, тридцать
лет
Собирал, собирал, собирал.

Сколько страсти и сколько труда
Приложил он для этих собраний.
Чтобы обогатиться?.. Ну, да:
Здесь богатство накопленных
знаний!

Не мещанский безвкусный парад,
Не тщеславная тяга к вещам -
Здесь высокие мысли парят,
Здесь искусства и мудрости храм!
6 июля 1961 г.

Т. Д. Л.

Там с картинами и книгами
Проживал хороший друг,
И Тамбовский дом Ладыгина -
Расшифровка этих букв.
А для дружеской компании
Расшифрованное вновь
Допустимо толкование:
Труд. Доверие. Любовь.
Т. Д. Л. - ещё значение
Бытовало у него:
В день тяжёлый огорчения
Там Действительно Легко!
И в четверг, и после дождика,
И когда погода — ясь,
У поэта и художника
Мы сбিরались, веселясь.
Но Бывает: обрывается
Плодотворной жизни нить;
Отошёл художник к праотцам,
Приказал нам долго жить.
И сложить стихотворение
Про Тамбовский Дом велел,
Потому, что он забвения
Не хотел для Т. Д. Л.

Тень хороша во время зноя,
Отрадна в жаркий день прохлада -
Маячит марево лесное
У солнечного Эльдorado:
Любовно отражают воды
Его листвы зелёной своды!

Был в десять градусов мороз -
И негр из Африки замёрз.
Замёрз он в шапке и пальто.
Когда я рассказал про то
Якутам, то они смеялись!

12 декабря 1967

Н. А. Никифоров — краевед и краелюб, которого по праву называли собирателем имён. Имя Николая Глазкова занимало особое место в его собрании. В 1989 году вышла книга «Воспоминания о Николае Глазкове». Составители книги прислали Никифорову немало писем с извинениями за то, что не сумели поместить его воспоминания. Сейчас они впервые предлагаются читателям.

Николай НИКИФОРОВ

Друг мой — Николай Глазков

Николай Глазков — иначе его не называли — сразу вошёл в моё сердце и занял в нём место близкого друга. Он тронул мою душу искренностью и настоящим мастерством, непохожим на то, что так часто хвалят.

Познакомились мы с ним в Тамбове в начале 50-х годов. Я знал о нём по рассказам людей, встречавшихся с ним. Они были противоречивы, некоторым он был непонятен. Читал его стихи в списках, которые он делал для друзей. Встречи с тёзкой — так мы звали друг друга — были для меня праздником. Он очень хорошо знал меру всему; много и о многом знал. Знал даты жизни всех художников — феноменально! Знал географию не по книгам и учебникам, знал потому, что много путешествовал, не ради развлечения, а ради познания, ради того, чтобы всюду, где бывал, оставить добрый свет в сердцах тех, кто узнавал его.

Понять тёзку могли те, у кого было доброе сердце и светлая душа, людям ограниченным, злым, жадным он был недоступен. Он ещё при жизни был легендарным, о нём рассказывали всякое, но надо было хорошо знать его, чтобы безошибочно отделить небылицы от истинных, достойных подражания поступков. Мне выпало счастье слышать выступления тёзки в родном Тамбове, где он всегда был желанным гостем, в Москве — в Театре сатиры, в ЦДЛ. Его манера читать была особенной, глазковской. Свой темп, своя интонация, очень человечная. Он не поучал, но у него учились и гордились, что это хорошее — от Глазкова. Сам Николай Глазков никогда не возносил себя. Он был талантлив — этого было достаточно, это было очевидно. Гордыня несовместима с талантом. Был он хлебосольным, это довелось мне не раз испытать на себе. А как он любил делать людям приятное! Зная, что я собираю автографы, в каждом письме присылал чьи-то, специально взятые для меня. При встрече в Москве или в Тамбове не обходился без сувениров. Самому же особенно ничего и не хотелось — он даже не имел ни бланков, ни визитных карточек, ни штампов, хотя я часто предлагал ему сделать их.

А его машинописные рисунки! Это настоящее искусство. Ими иллюстрирована одна из его книг. Был он силен и физически. Часто знакомство его начиналось предложением помериться силами. Прекрасный шахматист. Если бы его кто-то захотел измерить в одной из граней его дарования, и тогда бы он был на голову выше других.

Он посвятил мне несколько стихотворений и рекомендовал меня в Союз писателей. Это особенно дорого для меня, и я храню его рекомендацию как знак его большого внимания.

Николай Глазков — светлая страница в моей жизни. Я горжусь дружбой с ним, которая что-то сделала и в моей судьбе доброе и хорошее.

Марина КЛИМКОВА

В 2018 г. исполняется 95 лет со дня рождения художника и коллекционера Владимира Георгиевича Шпильчина (24 декабря 1923 — 26 мая 2006).

Владимир Георгиевич был известен не только в Тамбове, где жил и работал, но и в Москве, Ленинграде, Казани, Липецке, Омске, Сочи, Прибалтике, Украине. Везде, где любили русскую литературу и изучали творчество поэта Е.А. Боратынского, знали Шпильчина — старейшего участника движения за возрождение тамбовской усадьбы Боратынских Мары. Более 30 лет он собирал материалы, посвящённые усадебной истории, чтобы доказать право на существование музея на малой родине поэта.

В начале 2000-х годов нам удалось записать на диктофон устные рассказы Шпильчина о его жизни, которые содержат много сведений о культуре советского времени. Часть их, в пересказе и значительном сокращении, мы публиковали циклом статей в газете «Город на Цне».

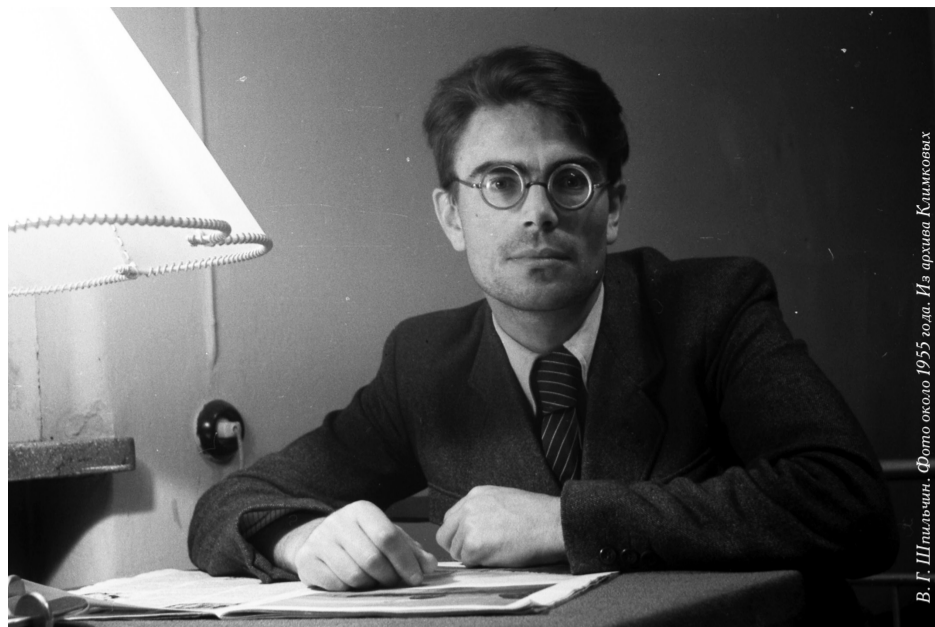
Шпильчин родился в Тамбове в семье Георгия Яковлевича Шпильчина, служившего в Военизированной пожарной команде, и его жены Марии Ильиничны (в девичестве Долговой), домохозяйки. Они жила в здании на углу улиц Интернациональной и Базарной, потом в деревянном доме на улице М. Горького.

Владимир Георгиевич учился в трудовой школе № 5 (ныне здание медицинского института ТГУ имени Г.Р. Державина), увлекался искусством и краеведением, но после окончания 9 класса, по настоянию родителей, поступил в автомобильный техникум, где его застала Великая Отечественная война. В учебных заведениях тогда ввели сокращённую программу обучения, и юношей в срочном порядке отправляли на фронт. Шпильчин, у которого с детства были серьёзные проблемы со зрением, не мог служить в армии, но продолжать учёбу в тяжёлое для страны и семьи время тоже не хотел. Он бросил техникум и стал работать в драматическом театре рабочим сцены, художником-исполнителем, потом тестомесом на хлебозаводе № 2.

Весной 1943 года Шпильчина призвали в трудовую армию под Сталинград, для восстановления города. Он рассказывал о страшной картине, представшей перед его взором: «В Сталинграде дышать было нечем от трупного запаха. На земле лежали тела солдат и офицеров, валялись лошадиные гривы и хвосты, кошачьи шкурки — свидетели страшного голода. По улицам почему-то бродил верблюд. Стены домов на чём только держались: дома стояли, словно балерины, на одной «ножке»! Все дворы центральной части города были засыпаны немецкой документацией вперемешку с навозом. Всё источало ужасные запахи! Расквартировали нас у подножия Мамаева кургана. Жара... Остаюсь дежурным по палатке. Пить хочется, но негде. Идешь к Волге: весь берег усыпан костями, вода с человеческими волосами. Сверху, с обрыва, немцы расстреливали тех, кто штурмовал откос...»

Вскоре по состоянию здоровья Шпильчин демобилизовался, вернулся домой и устроился работать на Котовский пороховой завод. Тут война окончилась.

Владимир Георгиевич восстановился в техникум и завершил образование, получив диплом механика, но работать по специальности не стал, потому что

В. Г. Шпильчин. Фото около 1955 года. Из архива Климковых

О Владимире Шпильчине

его влекло изобразительное искусство, а не техника. Начался поиск места в жизни. Сначала Шпильчин вернулся в драматический театр, затем работал в Доме офицеров лётного училища, заведующим художественным отделом в краеведческом музее и, наконец, стал художником-оформителем Художественного фонда Тамбовского отделения Союза художников РСФСР, где выполнял заказы музеев, кинотеатров, домов культуры и других учреждений. В 1954–1957 гг. Владимир Шпильчин служил художником-оформителем в Группе советских войск в Германии, в Вюнсдорфе.

Владимир Георгиевич оформил экспозиции многих музеев области — в Тамбове, Моршанске, Мичуринске, Кирсанове, Инжавине, Умёте, где работал с вдохновением и полной самоотдачей. Перед оформлением выставок он проводил большую исследовательскую работу, изучая тему и опыт лучших музеев страны. На вопрос, что его особенно привлекало, он отвечал: «Мне всё нравилось делать. Абсолютно всё! Я старался, чтобы было хорошо и красиво». Однако постепенно интерес Шпильчина стал более склоняться к культуре дворянской усадьбы.

В 1972 году в жизни Владимира Георгиевича начался новый период, связанный с увлечением историей рода дворян Боратынских и началом осознанного коллекционирования. В феврале того года по заданию обкома партии он в числе рабочей группы выехал в Умётский район для знакомства с местом, где предполагалось создать музей уроженца тех мест — поэта Боратынского. Шпильчин рассказывал: «26 февраля 1972 года. Этот день я никогда не забуду. Несмотря на зимний месяц, погода выдалась необычайно тёплой: снег таял, были лужи воды... Вереница машин тронулась в село Софьинку... Машины остановились на пригорке. Все пошли мимо деревенского кладбища к зданию местной школы. По пути я отставал, меня интересовали полусыпанные снегом мраморные надгробия, на которых я мельком заметил фамилии Боратынских, Дельви. Меня это поразило. Ещё более меня поразило видение окрестного пейзажа с косого: необъятные дали, золото солнца, село внизу. И тишина...»

Музейному проекту не суждено было осуществиться, но с того времени у Шпильчина появилась мечта — создание музея поэта. Он стал самостоятельно приезжать в Софьинку, бродить по окрестностям в поисках остатков господского дома, любоваться

природой, разговаривать с местными жителями, собирая воспоминания и адреса очевидцев истории. Шпильчин начал приобретать томики стихов Боратынского, потом другие книги и разные предметы, изучать культуру усадьбы. На основе своих знаний он воссоздал в графике усадебные интерьеры и в живописных работах пейзажи тех мест.

В 2003 году, осознав, что мечта о музее в Маре на его веку не сбудется, для сохранения целостности своей коллекции Шпильчин безвозмездно передал её в только что созданный тогда Тамбовский областной литературно-художественный музей (позднее присоединён к краеведческому музею). В этом действии проявилась ответственность Владимира Георгиевича перед людьми, которые порой дарили ему редкие экспонаты с надеждой, что в будущем они попадут в музей поэта.

С 1960-х годов Шпильчин дружил с семьёй Ладыгиных. Со старшим её представителем, художником-оформителем и поэтом Николаем Ивановичем Ладыгиным, он вместе работал в Художественном фонде, но более нашёл общий язык с его сыновьями — фотографами Борисом Николаевичем и Алексеем Николаевичем. Шпильчин сам увлекался фотографией, много снимал, особенно в 1950–1960-е годы. Его привлекал старый Тамбов, который, в отличие от других российских городов, не пострадал во время войны: река Цна с покосившимися мостами, старинные церкви, строгие каменные здания в стиле классицизма и маленькие деревянные особняки. На домах тогда можно было видеть витые чугунные решётки, а в парках на улицах и отдельных зданиях — скульптуру. Городской пейзаж тех лет не захватывал воображение грандиозностью и идеальным порядком, тем не менее, свидетельствовал художнику об особой, неприметной, неброской красоте — о ладе и ритме, о разнообразии форм и ансамблевым мышлении.

Большая часть жизни Шпильчина прошла в трудах и заботах, на работе, которая не была для него ограничена определённым отрезком времени — восемью часами, десятью, двенадцатью. Когда были срочные заказы, то ему порой приходилось трудиться и днями и ночами, лишь бы успеть выполнить к сроку. Может быть, именно поэтому в воспоминаниях Владимира Георгиевича преобладала «производственная» тема. Однако производственная ли? Работа, как ни покажется это для кого-то странным, являлась для Шпильчина проявлением подлинной жизни.

Елена ЧАСОВСКИХ

Холод

Тихо. Холодно. Тихоходные,
Стадом тучи идут голодные.
Тучи съели луну и звёзды.
Очень холодно. Очень поздно.

Голо. Ломкие, гололобые,
Из-под крыши искрятся злобою
Ледяные ножи смертельно.
Завтра будет опять метельно.

Стынет немо вся тварь живучая,
Стонет, небо мольбами мучая.
Время вымерзло, поломалось.
Больше времени не осталось.

Струны

Вы можете не видеть, но сильней
По осени объятия корней
Под травами, искрящимися
льдието

От «минус два», у этих вот берёз.
Им ведомо: зима придет всерьёз,
И будет строго, холодно и чисто.

Но я тепла ни капли не отдам,
Ведь я жива, поскольку жив Адам

Конгломерат сердец, стучащих
порознь.

Корнями вен срastaюсь с бытиём,
Как те берёзы, что растут вдвоём
И новую воспитывают поросль.

Пусть вслед из-за незапертых
дверей

Ворвётся сонм сынов и дочерей -
Моих, чужих, земных, небесных,
Божьих.

И закалит огонь моих стихов
Стальные струны новых голосов,
И будет не изжит сей век, а прожит.

Морфемное

Истёрт, исчерчен, искалечен...
Приставка чётко изъясняет:
- О, этот край исчеловечен,
Он от людей изнемогает!

* * *

Не будем про глобальное. Я лично
Из космоса обычно не видна.
На глобусе зато видна отлично
Моя непобедимая страна.

Но роль моя в истории ничтожна.
В учебниках не пишут про таких.
И в нашем городке довольно
сложно
Добраться будет до дверей моих.

Меня и в доме не видать порою.
Сижу, смотрю в окно на белый
свет.

Но если ты придёшь - я дверь
открою
И буду для тебя вода и хлеб.

Ангелы

Им дали силу, власть и крылья,
Способность с преданностью пса
За голод и за избылье
Хвалить и славить Небеса,

И прозревать в смертях и боли
И в столкновениях племён
Печать святой Господней воли
И славу будущих времён,

И обращать столицы в слякоть,
И рушить царствия перстом.
Они не могут только плакать,
Как Магдалина под крестом.

Книга — лучший подарок

Культурной сенсацией 2017 года стала книга «Тамбовская губерния в дореволюционных открытках. Том I. Тамбов и окрестности».

Книга прекрасно оформлена: на 380 страницах содержатся около 1500 изображений — все известные открытки с видами старого Тамбова. На открытках предстаёт портрет губернского города таким, каким он был до революции.

Это уникальное издание рассчитано на широкую аудиторию любителей книг, краеведов, коллекционеров, историков, будет лучшим подарком близким, друзьям, коллегам и знакомым.

Книга продаётся в музеях и книжных магазинах областного центра.

Оптовые продажи:

тел.: 8 (4752) 71-14-10;

8 (962) 236-68-00

e-mail: elmar1@yandex.ru

Е.М. БУКОВСКИЙ

ТАМБОВИЯ
ВЕРНАДСКИХ

Человек, изменивший мир

В марте этого года уникальному ученому с мировым именем Владимиру Ивановичу Вернадскому — 155 лет со дня рождения.

Книжный магазин на Советской, 11 областного центра поддержал идею переиздания книги тамбовского краеведа Евгения Буковского «Тамбовия Вернадских».

Эта книга о целой династии Вернадских деда — Василия Ивановича, отца — Ивана Васильевича, сына — Владимира Ивановича и внука — Георгия Владимировича, которые внесли значительный «вклад в копилку» культуры Тамбовского края. Самая большая глава в этой книге о жизни и творчестве Владимира Ивановича Вернадского.

Книгу можно приобрести только в книжном магазине на ул. Советской, 11 и на ул. Ореховой, 7.

“Меморандум Платова”

Рецензия

Недавно Юрий Мещеряков издал роман «Меморандум Платова». Да, в нём немало страниц посвящено Афганистану, но тема войны в этом произведении выходит за рамки локальной операции. Автор пытается через своих героев расшифровать геном войны.

Не секрет, что отношение современного общества к этому феномену во многом сложилось под влиянием художественной литературы XX века, которая стала прививкой против фашизма как абсолютного зла. Вместе с тем война представляет собой многомерное и сложное явление, о чем сегодня свидетельствуют Афганистан, Сирия, Украина...

Платов, пройдя свою дорогу войны, которая пролегла через ущелья Афганистана в 80-е годы прошлого столетия, делает для себя бескомпромиссный вывод на могиле товарища.

Цитата: «Ну и за что он погиб? За Родину? - я невесело усмехнулся своим мыслям, — Да, за Родину, за ту, которая есть. Не было бы этой войны, была бы другая. Теперь я это точно знаю. Все хотят войны. Одни — за свободу и независимость, другие — за порабощение, теперь это называется за рынки сбыта, за ресурсы. Есть такие — кто за демократию. Война — это данность, войны не может не быть, краткие передышки мы принимаем за мир, думаем, всё кончилось. Мы обманываемся, мы просто боимся. И мне, и Платину выпал Афганистан, раньше в мире и не знали, что есть такая страна. Она и есть мой меморандум».

Трагичность этих слов не в том, что Платов утверждает, что война — это нормальное состояние человечества, а в том, что война — как в Афганистане - способна изменить до неузнаваемости Отечество, точнее, ценности. И то, что двадцать-тридцать лет назад казалось важным, судьбоносным, теперь попирается ногами политиков и толпы. При этом обесцениваются жертвы, которые были положены на алтарь победы.

Но что же неизбежно в нашей жизни? Совесть. И нет подходящего аналога этому слову в других языках.

Юрий Мещеряков проводит своего литературного героя не только через горнило афганской войны, но и по вехам мирной жизни, примечая, как меняется облик страны за десяток лет, как, в конце концов, деградирует СССР.

Война — это зеркало мирной жизни, война — это концентрат всех позитивных и отрицательных явлений - как всего общества, так и отдельного человека. Это, на мой взгляд, главный лейтмотив «Меморандума Платова», который созвучен с романом Льва Толстого «Война и мир». Мир, если вникнуть в этимологию этого слова, нужно понимать как человеческую общность.

В «Меморандуме Платова» показаны на контрасте две армии. Одна — на Родине — с дедовщиной, бесхозяйственностью, преступной халатностью, другая — в Афганистане — мобильная, жёсткая, профессиональная, но, увы...

Цитата: «В Афган нельзя посылать карьеристов, им нельзя давать

Двери Тимура (Тамерлана) — Василий Верещагин

Юрий Мещеряков довольно стремительно ворвался в литературное пространство не только Тамбовской области, но и России. Его роман «Хроники афганской войны» (2011г.) вышел в солидном столичном издательстве, правда, под другим изданием «Панджшер навсегда» (2013г.) и вызвал немало положительных отзывов не только среди читателей, но и специалистов. Кроме того, в 2014 году вышел сборник рассказов и повестей «Время мужчин».

Тема афганской войны пока не отпускает прозаика. Это и понятно. Юрий Альбертович ветеран афганской войны, за участие в боевых действиях награждён орденом «Красной Звезды».

распоряжаться чужими жизнями. Это такие холёные, циничные твари, они всё готовы оправдать какой-то военной целесообразностью, на самом деле они, не отклоняясь, идут к своей личной цели. Неправильная война. Слишком много предателей. Знаешь, что страшно? Они не считают себя предателями...»

Юрий Мещеряков обладает уникальным фактологическим материалом. В Афганистане он пробыл два года, но в этом спрессованном времени столько имен, событий, образов, метафор, ассоциаций, что фактуры хватит на всю творческую жизнь.

Как правило, существует два взгляда на те или иные события. Один писатель смотрит на происходящее отстранено или извне, дистанцируясь от происходящего. Другой, напротив, предпочитает наблюдать из глубины

самого действия. Нельзя сказать, что один метод лучше другого, всё зависит от задач, которые ставит перед собой писатель.

Лев Толстой в силу возраста не мог быть на Отечественной войне 1812 года, но при этом сочинил гениальный роман «Война и мир». Правда, великий писатель участвовал в Крымской войне (1853-1855 гг.), так что о её феномене он знал не понаслышке.

Юрий Мещеряков повествует прямо (почти репортажно) из горячей точки, из глубин своей памяти. Он полагает, что только так можно добиться подлинности и достоверности. В понимании автора всё это синонимы художественной правды. Так Юрий Мещеряков избегает литературщины.

Но большое видится на расстоянии. Думается, что не только время, но и возросшее мастерство автора в

дальнейшем позволит умело сочетать два этих принципа.

Раз речь зашла о творческой лаборатории автора, то необходимо сказать о художественных находках, которые придают роману не только сочность, но и подтекст, что, на мой взгляд, наиболее ценно для любого художественного произведения.

Символом всего произведения можно назвать знаменитые Двери Тимура (Тамерлана) художника Василия Верещагина. Фрагмент этой картины размещён на обложке книги. Автор словно предлагает читателям вместе с лейтенантом Платовым приоткрыть с резные старинные врата Востока.

Цитата: «В мире ничто не случайно, и если ты наступил на чужой ковёр, то будь добр, расскажи как здесь оказался, откуда ты родом, как сам, как семья».

Иная культура — это, действительно, непостижимый космизм, где одно неверное движение или слово способно вызвать эффект слона в посудной лавке.

Платов в пыли веков успевает рассмотреть отдельные фрагменты старинного замысловатого узора на Дверях Востока, он бережно говорит о простых людях, традициях, архитектуре, природе — культурном и историческом ландшафте, словно опасается испачкать узор чужого ковра.

При этом война заставляет Платова более глубоко, обострённо воспринимать жизнь, видеть детали, о которых в мирное время он и не помышлял. Отсюда возникает и лёгкая тень поэзии в романе.

Цитата: «Течение жизни — больше, чем слова. Сердце Платова замирало в предчувствии завтра: где-то там скрываются открытия, равные Колумбовым, чужие земли, чужие люди, несметные сокровища древнего Востока...»

Думаю, что следует несколько слов сказать о художественном языке романа. Отчётливо слышна неповторимая авторская интонация, ритм прозы задан не только лаконичностью фраз, но и частой сменой планов исторического ландшафта.

Автор тонко чувствует армейский язык. В устах главного героя, как и других персонажей, он органичен, не вызывает ощущения штампов, некий колорит в повествование вносит и самоирония Платова.

Автор, на мой взгляд, хорошо проработал психологический портрет главного персонажа, в том числе и за счёт его непрерывного внутреннего монолога. В романе довольно много лиц и имён, но Юрий Мещеряков через них представляет Платова, раскрывает его сущность, мотивацию действий, реакцию на те или иные события. Читатель от страницы к странице взрослеет с Платовым, проникается его мыслями.

Философ Лев Шестов говорил, что хорошая книга должна оставить некое послевкусие после прочтения. Если его нет, то, увы...

«Меморандум Платова» у меня оставил лёгкий привкус горького миндаля, который нельзя употреблять в свежем виде.

Олег АЛЕШИН

Роман-конспект Николая Ветлугина «Завтра может и не быть» опубликован более 10 лет назад. Ровно столько я собирался его прочитать, но, как говорится, всё некогда было. Теперь немного жалею, что не поторопился этого сделать раньше. Хотя... За десять лет он успел настояться в ящике письменного стола, теперь можно по достоинству оценить замысел автора, не торопясь «выкушать» каждый абзац.

Прежде всего, следует разоблачить автора, который прячется за псевдонимом Николая Ветлугина, и назвать подлинное имя сочинителя, тем более, что он и не сильно шифруется. Сочинил эту почти сюрреалистическую историю с перемещением в пространстве и времени Евгений Писарев.

Но что это за компот такой - роман-конспект? Автор, конечно, прячет в усмешке предисловия истинный смысл этого нестандартного литературного приёма. Дескать, «конспект не обязывает строго следовать правилам орфографии. К тому же для традиционного романа необходимо глубокое художественное дыхание, владение методом «ползучего реализма».

Словом, автор хочет сказать, что он как бы в стороне от генеральной линии русской литературы, да и в русском языке, по его словам, не силен, поэтому, если что, с автора взятки гладки, он тут только рядом постоит.

Но мы-то знаем все эти штучки, от нас не уйдёшь, мы-то сумеем вывести Евгения Писарева на чистую воду критики.

Так что же такое роман-конспект? Если пространно отвечать на этот вопрос, то можно вполне накропать диссертацию по этому поводу. Нет, я не шучу. Роман-конспект — это и выражение типологии переходного времени, которое сегодня принято называть «постсоветским», это и формула жизни главных действующих лиц, и художественный приём, позволяющий автору быть свободным в выражении собственных мыслей, в конце концов, эта форма хороша тем, что избавляет читателя от «ползучего реализма», от литературной болтовни, от которой сегодня можно оглохнуть.

Евгений Писарев входит в оппозицию не к классической литературе, а к советскому роману, в котором, по мнению крупного партийного функционера Жданова, должно быть сочетание самой трудной практической работы с величайшей героикой и грандиозными перспективами. Поколения совписов трудились именно по этой формуле.

Поэтому роман-конспект Евгения Писарева построен именно как антитеза так называемому соцреализму.

Но пора сказать о главном достоинстве романа-конспекта. Это, на мой взгляд, афористичность. Вообще афоризм в литературе — признак высшего пилотажа.

Вначале я даже пытался делать какие-то засечки на полях, чтобы выделить наиболее интересные и оригинальные формулы, но потом бросил это дело: слишком высокая плотность смысла текста на один квадратный сантиметр.

Для примера.

«Со злом вообще не следует вступать ни в какие отношения, оно способно множиться от любого внимания к себе».

«Можно было, конечно, без затей набить Мишане морду и попытаться получить от этого моральное удовлетворение».

«Извечный русский недосып, самым пакостным образом влияющий на устройство общества, страшен не тем, что мы мало спим, а тем, что будят не вовремя».

«У писателей так часто бывает — когда таланта не хватает, они норовят

Запоздалая рецензия

начитанностью взять».

«Пьёт каждый раз так, будто завтра не напьёт».

«Откуда-то свыше рыдала певица — самая пошлая и самая великая певица ушедшего века».

«Совок вечно сражается за социальную справедливость, он всегда готов покарать виновного, если ему на него покажут...»

«Политическая чесотка в обществе угасала, наступал период дикого капитализма...»

Некоторые коллеги могут меня справедливо упрекнуть, что главное в литературном произведении всё же язык. Трудно с этим не согласиться. Язык Евгения Писарева метафоричен и саркастичен, но всё же мне больше импонирует его ирония, точнее, самоирония, которая позволяет пройти автору между Сциллой и Харибдой, то есть выдержать некий баланс между трагедией и фарсом. Поверье это довольно сложно, тем более, когда речь заходит о стране, где абсурд был возведён в ранг национальной идеологии и даже культуры в широком понимании этого слова.

С одной стороны это вызывает чувство презрения, но, с другой — ощущается какая-то вселенская трагедия от развала искусственно созданной страны, в которой проживал искусственно созданный советский народ, обольщённый и загнанный в дальний угол мировой экономики, прогресса, личной свободы. Возникает ощущение, что все эти годы мы топтались на месте, даже деградировали, но этого многие не понимали и не понимают и сейчас. «Я не смеюсь, я плачу», — как сказал один поэт. Это и есть формула романа-конспекта.

Главный герой Николай, по определению автора, человек неглупый, предприимчивый и, надо полагать, талантливый. По профессии журналист

провинциальной газеты, который где-то в прошлом успел ещё поработать и могильщиком (коммунизма?), а в настоящем — предпринимателем. Но, увы новая капиталистическая жизнь проплыла мимо него, как большой белый пароход с названием «Мечта».

Так вот, Николай в состоянии летаргического сна пролетает над страной, наблюдая сюрреалистическую картину советской и постсоветской эпохи 90-х, пытаюсь найти хоть какую-то логику в этой жизни. Но, увы, это бесполезно. Центральным, на мой взгляд, является эпизод с реставрацией памятника вождю пролетариата. Некто Витька Лунин не докрасил «серебрянкой» памятник Ленину и отправился с дружкой пить пиво. А чтобы не украли имущество, он прицепил помятое ведро с краской на его руку, которая по закону жанра указывала куда-то в светлую даль. Кисть так и осталась лежать у постамента. Бдительный секретарь райкома по идеологии принял(а) инструмент за гранату... Вот такой сюр, за который Витьке Лунину дали реальный срок.

Оглянись в прошлое и ты увидишь будущее. Чтобы понять сущность 90-х, автору нужен был тактический ход с «переходом» в советское прошлое, со стихами, выпивкой, пустыми прилавками, молодостью, мечтами, финансовыми пирамидами и так далее. Но самое печальное то, что сегодняшнее общество всё ещё не освободилось от сюр постсоветских времён, поэтому «завтра может и не быть». Так что роман-конспект не потерял своей актуальности, более того, это онтология сюра нашей жизни.

Недавно одного крупного политика обвинили даже не в том, что он содрал у кого-то диссертацию, а «списал хрень». Сюр, господа.

Олег АЛЁШИН

НОВЫЙ ПРОЕКТ

Книжка-рассказ

В прошлом году в информационно-образовательном центре «Русский музей: виртуальный филиал» Тамбовского областного краеведческого музея была организована выставка коллекционера Александра Тарасова, приуроченная к 50-летию юбилею собирательства и 80-летию Тамбовской области.

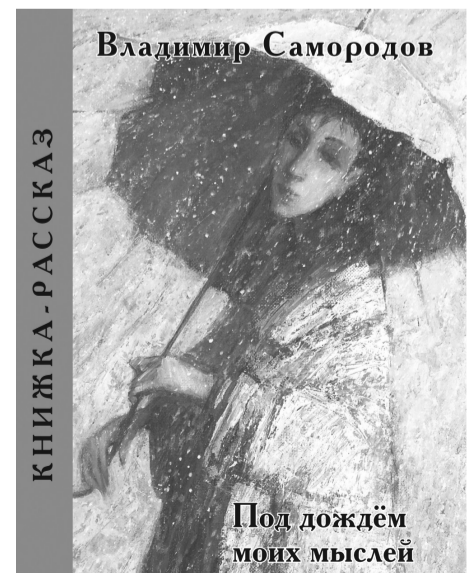
«Моя жизнь немыслима без собирательства» — это слова самого Александра Тарасова. А собирает он всё, что имеет отношение к родному тамбовскому краю. На выставке было представлено более 130 предметов из коллекции Александра Владимировича — это конверты, значки, книги, издания, относящиеся к юбилеям области, города, образовательных и культурных учреждений, градостроительства, проспекты и буклеты промышленных предприятий.

В том числе в его коллекции есть уникальная серия книг под общим названием «Книжка-рассказ». Этот проект, как сейчас принято говорить, был осуществлён в 60-е годы прошлого столетия. По сути, это небольшие по объёму брошюры, где были представлены новые произведения региональных авторов. Переплёт был мягким, но книги были оформлены по всем правилам полиграфического искусства. Кстати, иллюстрировали издание также местные художники. Небольшие по объёму и недорогие по цене книги быстрее выходили к читателям и находили отклик у критиков. Тираж доходил до 15 тысяч экземпляров. Сегодня трудно в это поверить.

«Рассказ-газета» решила возобновить этот проект. Мы надеемся, что «Книжка-рассказ» будет дополнять «РГ», тем более что газетная полоса не всегда способна вместить объёмное прозаическое произведение. Молодой прозаик Владимир Самородов любезно согласился поддержать наше начинание. Определить жанр прозы Владимира Самородова непросто. На мой взгляд, это сюрреализм. Иными словами, проза молодого прозаика состоит из парадоксов — действий, мнений, сюжетов, диалогов, противоречащих здравому смыслу, а также аллюзий. Читателю невозможно определить время, когда происходит то или иное событие в рассказе, странность персонажей зашкаливает, художественный язык также «не от мира сего», но между строк читаются «маленькие трагедии маленьких людей». Какая-то гоголевская тень витает над прозой Владимира Самородова.

«Книжку-рассказ» можно приобрести в книжном магазине на ул. Советская, 11.

Олег ТЁТУШКИН

Лёшка Цыган

Из цикла «Котовские рассказы»

Десятилетнему мальчишке из интеллигентной семьи в конце восьмидесятых для счастья требовалось немного: пара закадычных друзей, таких же хорошистов, редкая книга из читального зала, которую библиотекари по большому благу разрешали взять на дом, и, главное, не угодить в лапы к шпане, которой в нашем промышленном городке водилось с избытком.

Хулиганье вольготно обитало в каждом уголке Котовска, классифицируясь на «пионерских», «кирпишанских», «шанхайских» и прочих — именуемых в честь улицы или микрорайона, где размещался прайд. Чтобы чувствовать себя более-менее в безопасности, ребёнку моего возраста желательно было «ходить» с одной из группировок. Когда останавливали на улице, первым делом спрашивали: «С кем ходишь?» Я, понятное дело, ни с кем — не то воспитание, не та среда. Поэтому старался не попадаться — благо, жил в благополучном доме, заселённом преимущественно пенсионерами или молодыми парами с дошколятами.

Но однажды родители огорошили — переезд! После смерти бабушки решили разменять две квартиры — её и нашу — на одну побольше, в «сталинке» на улице Котовского (с фантазиями у топонимической комиссии, видимо, было туго). И как-то быстро всё провернулось, месяц на всё про всё, и мы уже на новом месте, всего в паре кварталов от прежнего — и в другом мире.

В трёхэтажном доме — три подвезда, по шесть просторных, с высокими трёхметровыми потолками трёхкомнатных квартир в каждом. Это была коммуналка, но то ли после начала перестройки, то ли немного раньше жильцы поденьжистее стали выкупать комнаты у соседей, высвобождая себе пространство побольше да поудобнее.

За стеной у нас обитало семейство евреев — лет через семь они дружно эмигрировали в Штаты. Глава ячейки обществу с гордым именем Яков, которого все соседи, тем не менее, панибратски называли Яшкой, работал тренером по настольному теннису в местной спортшколе, крепко выпивал по праздникам и не только, а ещё, часто и подолгу возясь с велосипедом в сараюшке, расположенном во дворе дома, откликался, когда тётя Надя этажом ниже звала домой кота — его тёзку. Самым смешным было, когда звучало громкое «Я-а-а-аш!», и головы поворачивали оба и одновременно — седующий вихрастый еврей и пушистый чёрный кот, пробегавший мимо по одному ему известным делам.

А вот напротив... Напротив нас жила семья с ребёнком — моим ровесником. Он был небольшого роста, коренаст, смугл, с чёрными вороньими глазами и того же цвета непослушными волосами, торчащими в разные стороны так, словно выражали протест расчёскам как классу. Звали его Лёшка Цыган, с ударением почему-то на первом слоге. На родителей — вечно замотанную тётю Зину в очках с толстыми линзами и дядю Юру «Дядьюру» субтильного лысеющего автослесаря — отпрыск не походил ни капли.

Как же я его боялся! Взгляд исподлобья, вечно насуленный,

недовольный вид — даже по лестнице он поднимался и спускался нервно, прыжками через две или три ступеньки, будто скрываясь от кого-то или, напротив, преследуя. Страшнее всего казалось столкнуться нос к носу. Иногда это происходило — в одном подъезде неизбежно! — и никто не здоровался, не кивал «привет». Я пронёсся мимо вихрем, да и Цыган не снижал спринтерской скорости. Ш-ш-ш! — только ветер по лестничной площадке.

Усугубляли страх перед чужаком рассказы покойной прабабушки, которая, когда я был совсем маленьким, пугала меня цыганами: говорила, те ловят на улицах непослушных детей и варят из них мыло. А взрослых объегают, дурманя разум гипнозом. В общем, завидев в городе цыганок в цветастых нарядах, я инстинктивно старался перейти на другую сторону улицы или вовсе сделать крюк, обойдя квартал.

Однажды мама доверительно сообщила мне, что Лёшка не родной ребёнок — его взяли из детдома. Он и правда цыганёнок, настоящие родители его жили в посёлке с экзотическим названием Калмыч между Котовском и Тамбовом. В семье произошла трагедия: кто-то погиб, или покончил с собой, или зарезали по пьянке — чёрт его знает, что там у этих цыган происходит, кровь горячая, темперамент не хуже чем у итальянцев. В общем, совсем маленького Лёшу определили в детдом, откуда его забрали тётя Зина с Дядьурой. У них самих детей завести не получалось — лишь повзрослев, я понял, что иногда одного желания мало, и существует множество проблем, о которых пацанятам знать не надобно. Говорят, Лёшка сразу подбежал к тётю Зине, обнял её колени и прошептал: «Мама». Персонал ахнул — в заведении считалось, что ребёнок немой...

Не дружественное, но и не военное сосуществование между двумя десятилетками, обитающими дверь в дверь, продолжалось долго. Я не пытался делать шаг навстречу, Цыгану этого тоже не требовалось.

Но однажды произошёл случай, который всё изменил.

Я плёлся домой из школы сквозь дворы с непременными сараями, таща набитый учебниками рыжий кожаный дипломат, с которым, кажется, ходил в ту же школу четвертью века ранее мой отец. И тут раздался свист. Я знал, что ничего хорошего он не предвещает, но всё-таки обернулся.

Ко мне приближалась компашка из пяти пацанов: двое примерно моего возраста, остальные постарше, класса из шестого или седьмого. Один курил папиросу — видимо, лидер.

— Эй, шкет, ты чьих будешь? — слегка растягивая слова, спросил один из взрослых.

— Я... Я...

— С кем ходишь?

— С «пионерскими», — зачем-то соврал я. Очень неуверенно. Сам бы не поверил.

— Жилу знаешь?

Я, естественно, не мог знать Жилу. Или Чичу, или Дрюшлага — клички у шпаны были сплошь дурацкие, часто образованные из искажённых фамилий или качеств «носителя»: Чича — Чичканов, Жила — умеющий

жуглиничать — жилить, Дрюшлак вообще от имени Андрей.

Надо было что-то отвечать, и я решился:

— Знаю.

— Он нам два червонца торчит. Гони ты за него, раз знаешь.

— У меня нет.

— А если найдём?

Я с ужасом вспомнил, что в кармане лежит мягкая десятка и пара рублей мелочью — НЗ на воскресную поездку в Тамбов, где я мечтал прикупить в коллекции пару новых плакатов. Стены моей комнаты тогда были завешаны цветастыми постерами со Шварценеггером, Сталлоне, Ван Даммом и Брюсом Ли. На центральном рынке областного центра их продавали глухонемые парни, демонстрирующие цену пальцами и потешно мычащие.

Деньги, в общем, немалые. И целевые!

— Харэ тельтись, шмоной его! — скомандовал старший, которому надоело моё перетоптывание на месте.

Малые тут же подскочили: один крепко схватил меня за руку с портфелем и начал заламывать её за спину, а второй полез в карман. Не знаю, что на меня нашло, но я взбунтовался, резко вывернулся и угодил дипломатом — весьма увесистым! — по башке одному из гоп-стопщиков.

— Дерётся, сучонок! — весело удивился предводитель, выплюнул бычок и внезапно очень сильно и больно саднул меня кулаком между глаз.

В голове зашумело, выступили слёзы. Я больше не чувствовал в себе ни грамма смелости: только страх и горечь, что вяпался в передрыгу.

Компания тем временем проворно и профессионально обшаривала мои карманы, попутно награждая тумачами да затрецинами — больше профилактическими, не в полную мощь, но чудовищно обидными.

Я всю ревел, не заботясь о репутации, и почти ничего не слышал. Подковырки хулиганов звучали белым шумом сквозь всхлипы и шмыганья носом. Но тут до меня донеслось:

— Эй, вы чего пятером на одного?!

Оторвав взгляд от земли, я увидел... Цыгана. Он выглядел решительно: прислонил ранец к тополиному стволу и стоял в паре метров от нас, сжав кулаки.

— Ты кто такой, а? С кем ходишь?!

— отвернулся от меня вожак.

— С «южанскими».

— А чего здесь потерял? Чё ваще такой борзый?!

— Впятером на одного только гондоны наезжают.

— Пацаны, валя его! — крикнул кто-то, я не разобрал.

Лёшка поднял кулаки на уровне плеч, встал в боксёрскую стойку. «Он же в секцию ходит!» — вспомнил я и увидел, как он наносит противникам точные и веселые удары.

Однако пятеро непрофессионалов — всё же не один, даже тренированный спортсмен. Из рассечённой брови потекла кровь, кто-то подло саднул Цыгана ногой под колено, и тот сторбился, получая мощные тычки в корпус и голову.

Сбоку раздалась ругань — матерная, грязная. Из-за сарая вышла пара старшеклассников. Кажется, они жили в нашем районе и Лёшку знали. Точно!

— Наших бьют! — крикнул один из них. И закипела драка!

Поняв, что до меня здесь никому нет дела и я вряд ли понадоблюсь в ближайшем будущем, я схватил дипломат и помчался домой, не оглядываясь...

Тем же вечером я впервые позвонил в дверь напротив. Открыл Цыган: с заплывшим веком и распухшей губой, но бодрый и со смешинкой в чёрных глазах.

— Спасибо, — тихо сказал я.

— Да чего там. Заходи, у меня отец вчера видик у дядьки взял на пару дней, фильм есть новый: «Кобра», боевик. Давай вместе смотреть — одному скучно.

Вскоре мы стали с Лёшкой друзьями не разлей вода. И хотя он продолжал ходить с «южанскими», а я не вылезал из библиотеки, нам это не мешало.

Лишь через семь лет, когда я поступил в вуз и начал каждый день мотаться из Котовска в Тамбов и обратно, а Цыган, окончив местный технар, устроился на завод электриком, наша дружба растворилась в суете и заботах взрослой жизни.

Но я до сих пор помню тот страх перед смуглым цыганёнком из квартиры напротив и чувство невероятного облегчения и радости, когда этот почти совсем незнакомый человек ринулся мне на выручку, невзирая на то, что хулиганов было пятеро, а он — один...

Сергей ЛЁВИН
Анапа

PAR AVION
AIR MAIL

Олег АЛЁШИН

Несостоявшееся прошлое

Новелла

1.

ЕГО НИКТО не любил. Соседи за то, что он жил, как бомж: нигде не работал, целыми днями пропадал на городских свалках. Свою однокомнатную квартиру на седьмом этаже панельного дома завалил хламом.

Однажды, когда к нему пришли два слесаря из товарищества собственников жилья, чтобы перекрыть горячую воду за неуплату, они так и не смогли пробраться к стояку ванной комнаты сквозь наваленные друг на друга, до самого потолка, старые никому не нужные венские стулья, книги, пустые рамы картин, фотографии, гравюры, телевизоры, радиоприемники... Только он один знал свои тайные ходы в этом скопище старья.

Но если присмотреться повнимательнее, то в его доме был идеальный порядок. Только вот, действительно, вещей было здесь гораздо больше, чем могла вместить стандартная квартира.

А бомжи его не любили за то, что он никогда не пил с ними горькую, всегда их сторонился, был опрятно и чисто одет, несмотря на то, что носил старые кем-то выброшенные вещи. Как ему удавалось не запачкаться на свалках, никто не знал.

Может быть, поэтому бомжи его частенько колотили, именно колотили, а не били. Так, попинают слегка, вывалят в дорожной пыли и отпустят. До крови дело никогда не доходило. Да и зачем? Человек он смиренный и безобидный. К тому же никогда не жаловался, понимал, что эти люди дерутся не со зла, а так, от несчастья своего.

Никто не знал, как его зовут. Только старые соседи с первого этажа помнили, что когда-то давно его величали Юрием Ивановичем. А теперь все его называли «чокнутый с седьмого этажа».

2.

Однажды Юрий Иванович стоял у лифта с двумя набитыми под завязку авоськами. Из них пыльными углами выпирали книги Геннадия Мостового, когда-то его романами зачитывалась вся страна, а теперь он оказался на свалке. Но чем уж этот советский писатель приглянулся Юрию Ивановичу — не понятно, но многомолчок приятно оттягивал его руки, хотя Юрий Иванович долго не мог сообразить, где пристроить в квартире ещё один десяток книг.

Когда он в мыслях уже окончательно решил избавиться от узкой железной кровати, на которой спал, чтобы освободить место для Геннадия Мостового, как вдруг услышал со спины какое-то нездешнее благоухание.

Так пахнет надломленная ветка виноградной лозы, сердцевина которой уже пульсирует, откликаясь толчками на осмелевшее апрельское солнце, так пахнет остывший и забытый на неприбранном столе утренний кофе в вишнёвом саду, так пахнет дикая герань среди задумчивых и безмолвных камней, так пахнет холодный, пронизывающий Мистраль, — так пахнет далекая, неясная Франция Юрия Ивановича, где он не был, но хорошо знал эту страну по жёлтым гравюрам, старым альбомам и воспоминаниям первых русских эмигрантов.

Юрий Иванович оглянулся.

— Вы меня не узнаете? — так же неожиданно спросила, как и появилась в этом пропылённом подъезде, незнакомая молодая женщина.

Юрий Иванович давно отвык от внимания людей, тем более от внимания женщин. Но сейчас рядом с ним стояла не просто красивая женщина, а изысканно красивая женщина, каких в своем провинциальном и диком городе он не встречал.

Да, Юрий Иванович сразу разглядел в ней особую аристократическую породу. Красота этой женщины была не вызывающей, а сдержанной, даже немного холодной.

Прелесть таких женщин открывается не сразу, постепенно.

Бывает, женщины кажутся более привлекательными при бедном освещении, когда в вечерних сумерках границы между тенью и светом становятся приглушёнными, едва различимыми, даже таинственными.

А бывает по-другому: с каждой минутой прибывающего дня лёгкие тени слетают слой за слоем, постепенно высвечивая, даже обнажая, черту за чертой целомудренного и умного женского лица...

Дверь кабины открылась, и Юрий Иванович машинально шагнул вовнутрь пластиковой коробки, а за ним следом вошла и незнакомка. Она первая нажала кнопку шестого этажа.

В этом небольшом замкнутом пространстве Юрий Иванович вдруг осознал, как он нелеп в своих стоптанных башмаках, куцем пиджачишке с вытертыми локтями, с набитыми авоськами в руках, как он внезапно постарел. Ему вдруг стало стыдно за то, что он предательски нищ, глуп и ничтожен.

Ему вдруг захотелось освободить пуговицу застёгнутого наглухо ворота клетчатой байковой рубашки, но руки были заняты Геннадием Мостовым...

— Знаете, когда Вы были изысканной и молодой, Вы мне очень нравились, может быть, я Вас и любила, — выходя из лифта, сказала вдруг незнакомка.

3.

Юрий Иванович доехал до своего этажа. Он слышал, как непринужденно и буднично захлопнулась дверь сто тридцать седьмой квартиры.

Он присел на стопку книг Геннадия Мостового и вдруг вспомнил, что когда-то в той квартире на шестом этаже жила с мамой какая-то девочка лет пятнадцати-шестнадцати, но кроме странного, проникновенного и умного взгляда девочки-подростка он не смог больше ничего припомнить, разве что ещё случайно услышанный разговор соседок с первого этажа, которые говорили, что Надька с шестого вышла замуж за пожилого, но весьма состоятельного человека, родила ему двоих детей, теперь живет где-то во Франции. Раз в

год приезжает навестить свою мать.

Юрий Иванович, сам не зная зачем, спустился на шестой этаж и нажал кнопку звонка сто тридцать седьмой квартиры.

Через несколько минут дверь нехотя открылась.

— Зачем вы пришли? — стараясь быть равнодушной, спросила молодая женщина, имя которой Юрий Иванович так неожиданно вспомнил.

— Не знаю, Надя. Но мне хотелось, чтобы Вы мне подарили свою фотографию.

— Что за вздор?

— Я собираю, точнее, храню чужое прошлое. Может быть, поэтому своего прошлого у меня нет. Я хочу, чтобы Вы подарили мне моё прошлое, пусть это будет хотя бы Ваша фотография.

— Но неужели Вы не понимаете, что всё, что Вы собираете и храните в своем доме никому не нужно, что после вашей смерти весь этот хлам вернётся туда, откуда вы его принесли? Оглянитесь вокруг: люди давно живут в другом мире, им не нужны ваши скучные, занудные книги и гравюры, как вы говорите, чужое прошлое. Зачем вы принесли сюда этого пошлого и бездарного Геннадия Мостового?

— Да, да, Вы, конечно, правы, я сейчас уйду. Не знаю, для чего я это всё делаю, но знаю, что это нужно, по крайней мере, мне. Я верю в этой жизни, как бы это поточнее сказать, в необходимость, что ли.

— Вы сумасшедший.

— Возможно. Во всяком случае, так все говорят. Но я уже привык. Но прошу Вас, верните мне моё несостоявшееся прошлое. Это всё, о чем я Вас прошу.

— Нет, это глупо, наконец, — закрывая дверь, оборвала разговор молодая женщина.

Юрий Иванович поплёлся домой. Он тайными тропами пробрался до своей узкой кровати и лёг, не раздеваясь, вместе с авоськами, прижимая их к худым бокам. Утром он всё же умудрился под ругань соседей по частям вынести железную кровать на лестничную площадку. Освободившееся место тут же занял Геннадий Мостовой.

4.

Через месяц Юрий Иванович в почтовом ящике обнаружил два письма. На первом конверте он увидел ненавистную ему Эйфелеву башню. В нем была фотография той самой девочки-подростка из сто тридцать седьмой квартиры. На обратной стороне было написано: «Спасибо за прошлое. Надя».

А во втором было извещение о принудительном выселении из квартиры.

Олег АЛЁШИН

Отсыревший туннель подворотни.
Полупьяный стоит человек
И с меня нагло требует сотню
За проход в девятнадцатый век.
Вижу свет впереди вполнакала,
Позади - почерневший ноябрь.
Словно слесарь из водоканала,
Водрузил над собой канделябр.
Днем с огнем не ищу — прорываю
В говорливом пространстве ходы:
Гумилёвские мчатся трамваи,
Как по желобам тонны воды;
Паутина ажурной ограды,
Отстраненность скульптуры в

саду,
Вдалеке пар от конных парадов,
Как в тринадцатом штатном году...
Оживает «мобила» в кармане,
По мурашкам вибраций вхожу
В транс изгнаний. Как ложка в

стакане,
На разгоне времён я дрожу.
До прорыва осталось немного —
Всего пару каких-то шагов,
Но туннель скоростней осьминога
Удлиняется вглубь сквозняков...
Спрессовался в подвижную точку
Подворотни рассеянный свет
И блуждает во тьме в одиночку,
Понимая, что выхода — нет.

Из цикла «Чёрный трилистник»

Поэту Василию Комаровскому

Закрыв глаза, но в темноте
Блуждает «отблеск Рима».
На петербургской широте
Я вроде пилигрима.
Ищу под снегом особняк —
Дом Палкина, в котором
Когда-то обитал сквозняк
За неподвижной шторой.
Открыт забытый Де Ренье
На титульной странице.
Лакей, похожий на рантье,
Скрипучей половицей
Наводит скуку. Старый фокс
Лежит под тёртым креслом.
Собачей жизни ортодокс
Зевает в день воскресный.
В альбоме чуткий карандаш
Балуется бездельем:
Вселилась тётя в антураж
С беспечным рукодельем.
Племянник вышел, как всегда,
На пешую прогулку.
Дойдёт до дальнего пруда,
Раскрошит птицам булку.
На письменном его столе
Счастливых дней гербарий:
Знал толк в неспешном ремесле
Латинский антикварий.
Укрыто Царское чехлом,
Как мебель в кабинете.
Вся эта жизнь, как под стеклом,
В люминесцентном свете...
На месте дома отыскал
В снегу один трилистник.
Февраль отнюдь не радикал —
Обыкновенный мистик.

Виктор ОСТРИКОВ

Самое главное

Оглядываясь на череду прожитых лет, начинаешь искать единственное и самое главное, что остаётся в твоей памяти.

Семьдесят лет ты дышал на этом свете.

Стремился, вроде, правильно жить.

Любил.

Страдал.

Переживал за неправильные поступки.

Радовался удаче и, особенно, за тех, кто идёт с тобой рядом.

Сколько прошло событий через тебя, вспомнить до точности невозможно. Некоторые откладываются надолго, навсегда. А большая часть там, на дне глубокой памяти вашей «Библиотеки».

А всё же остаётся вопрос:

— А что же на самом деле и есть САМОЕ ГЛАВНОЕ!?

Что захочешь вспомнить в последние часы твоего пребывания на этой удивительной, неповторимой планете бытия.

Детство?

Юность?

Зрелые годы?

Столько за долгую жизнь накопилось, что не знаешь, на каком моменте остановиться.

И вот в один из вечеров, когда душу защемило одиночество, понимание открылось.

Я растворился, почувствовав единение с природой. И я вернулся в ПЕРВОНАЧАЛЬЕ, откуда и пришёл.

Со мной ли это? задаю вопрос. А в ответ:

Снег сошёл, сошёл снег!

Весна!

И уже по краям тропинки, из серо-жёлтой примятой листвы, пробилась тонкими росточками первая трава.

На пригорках блестят мелкие цветочки, как звёздочки.

От земли поднимается тёплая испарина, и набрав полные лёгкие свежего воздуха, не желаешь его выдыхать.

Как-бы растворяясь в нём.

Становясь единым.

В стороне небольшая берёзовая роща. После длительных холодов на тонких веточках раскрылись почки, показав покрытые медовым блеском листочки. Иду к ним.

Левая половина лица прогревается весенними лучами солнца, правая холодным ветерком из леса. Не замечаю, как ноги плывут по мягкому покрову, что стелится по земле. И вот остановился посреди белоствольных красавиц.

Мысли прекратили тревожить.

Суетное, сиюминутное спало с меня, как прошлогодняя кора с берёз.

Наступило прояснение!

Я пришёл в этот Мир один и уйду так же, одиноким.

Не сожалею?

Ты ли это ваял?

Виктор Остриков в мастерской. Фото Олега Алёшина

Нет!

Поворачиваюсь к жёлтому диску лицом.

Моя душа растворилась в пространстве, не ощущая границ.

Сделав шаг, облокотился на берёзу. Я и она едины. Чувствую, как пульсируют вены, а внутри бежит живительный сок.

Она позволяет прильнуть и вернуться. Вернуться в необозримую разумом Вечность.

И не спрашивает, и не упрекает за мои грехи, что накопились за долгие годы.

Когда был слеп!

Был глух!

А ведь ОНА!

Когда — то давняя НАЧАЛО!

И есть самое ГЛАВНОЕ!

К чему душа тянется ... прикоснуться ... напоследок.

Творчество

Мысли остаются с тобой, а те, что воплотились в скульптурные творения, живут дольше тебя. Некоторые на столетия вперёд. Иные остаются даже после исчезновения цивилизации. А часть отцветают будто пустоцвет, не познавшие божественного прикосновения.

Загадочные и необъяснимые явления происходят в творчестве по-разному. Иногда композиции рождаются стихийно и быстро. Или в долгих и мучительных исканиях, а не получаются, откладываются, и отодвигаешь на долгие годы, забывая о них.

Но сама Идея не ушла.

Не забылась и ждёт своего часа.

Наполняется смыслом.

И в один из моментов твоей жизни

приходит и, легко коснувшись, шепчет:

Вот и я!

Отставь всё в сторону и давай поговорим.

Ты занят?

Ответ:

Да! Мне не до тебя.

Но она, ИДЕЯ, как капризная и настойчивая девица вкрадчиво проникает в твою душу. И вздохнув, отвечаешь:

- Ну, ладно.

Завтра приходи.

И в свободное от заказов время приступаешь к наброскам. Изрисовав невероятное количество бумаги. Мучаясь, что не получается, неожиданно вспоминаешь:

Ведь Она!

ИДЕЯ!

Приходила.

Была в гостях.

Переживал, не состоялось сближение, и кидаешься в архив. Ищешь нужную папку и ...

Она! Та самая, точно вымеренная Мысль.

Сейчас же к станку.

Стальной каркас.

Набросок глиной.

Руки опережают мысли.

И уже поймал тонкую, неуловимую нить, что одушевляет глину. Но выразил ли ты правду или обманулся, подтвердит только ВРЕМЯ.

Может жить, радуя своей красотой. Или это просто следующая хромоногая Идея? Здесь уже ничего не поделать. Ты становишься таким же созерцателем данного произведения, как и все. Ничего не исправить.

По истечении многих лет, обернувшись, понимаешь: не всё, тобой созданное, выжило. Осталось там, далеко позади.

Можно прекрасно научиться моделировать.

Наработать чёткую лепку деталей.

Обработки поверхности.

Навести лоск, но это всего лишь ползание по поверхности, не заглядывая вовнутрь — плоская, не одухотворённая декоративность.

Сложно.

Очень сложно оживить идею.

Найти образное, пластичное видение.

Невероятно, но ЭТО дано от природы не каждому.

Этому не научишь.

ОНО или есть, или нет!

Удивляешься, когда, закончив работу, начинаешь понимать ... Ты ли это ваял?

А скульптура, молчаливо выслушав критику, не спешит к признанию.

Без пафоса, шумихи приходит к нам из далёкого прошлого и, оказывается, была всегда!

Без твоего согласия!

И ты уже не властен над ней.

С этой минуты — памятники.

«МОЯ КНИГА»

- Книги для детей и взрослых
- Канцелярия в ассортименте
- Подарочные издания, сувениры

- Краеведение, ретрооткрытки
- Наборы для детского творчества
- Развивающие игры

Мы ждём Вас по адресам:

ул. Советская, д. 11

тел.: 8-900-495-79-35

ул. Ореховая, д. 7

тел.: 8 (4752) 58-31-61

После прочтения рекомендуется сохранить номер газеты и передать его другому читателю.

Рассказ-
газета

Отпечатано в типографии
Филиал ОАО «Издательский дом
«Мичуринск». Адрес: 392000,
Тамбов, Моршанское шоссе, 14

Тираж 999 экземпляров.

Заказ №.

Распространяется бесплатно.

Точка зрения редакции может
не совпадать с мнением авторов
статей.

Редактор О.В. АЛЁШИН
Вёрстка Э.Н. Землянский
Телефон: 8 953 718 1322